

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2015 | ноябрь
интеллектуальный
диалог

Фото с сайта wikipedia.org

СТАНДАРТЫ: ЗАВЫШАТЬ ИЛИ ЗАНИЖАТЬ и нужно ли им следовать ● стр. 2-24

АЛЧНОСТЬ РУШИТ СТЕНЫ

Михаил Сашко:

● стр. 4

«Довольно часто перегруз случается, когда во время ремонта в здание заносятся и сваливаются в кучу строительные материалы — песок, цемент, кирпич. При этом никто не думает, сколько же весят эти материалы, внезапно увеличивающие нагрузку на перекрытие».

РАБОТА НЕ ВОЛК?

Людмила Ружилова:

● стр. 6

«В Швеции ввели 6-часовой рабочий день? И правильно. Нормированием времени заниматься необходимо. Не обязательно это будет 6 часов, возможен и другой распорядок. Исходя из своего личного опыта, я бы давала индивидуальный график работы каждому сотруднику».

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ СВОБОДНЫМ ОТ ТРУДА

Сергей Дробышевский:

● стр. 10

«У человека есть несколько вариантов поведения по отношению к другим людям: вредить им, безразлично к ним относиться или способствовать их благу. Так вот — ради собственного благополучия он может выбрать только третий вариант. И указанные идеи должны воплощаться в правде».

«Есть такое понятие — внутренний аудит. Скажем, для того чтобы психотерапевты не использовали служебное положение в собственных интересах за счёт больного, ассоциация психотерапевтов Америки каждые два года досконально их проверяет. И психотерапевт в США больше боится своей профессиональной ассоциации, чем внешней государственной проверки. Подобная история и с адвокатами. Точно такая же система нужна и в учительской среде. Как только мы создадим такое соуправление — можно будет говорить и об общественной процедуре аккредитации».

Евгений ЯМБУРГ о школе, детях и образовательных программах

● стр. 2

Принято считать, что русский человек не любит ограничений, его идеал — вольная воля. Даже такой адвокат русской души, как ДОСТОЕВСКИЙ, устами своего героя Дмитрия Карамазова сокрушался: «Широк русский человек, я бы сузил».

Хотя, наверное, не только нам, а вообще природе человека претят рамки и стандарты. Тем не менее стандартизация — одна из важнейших характеристик сегодняшнего мира, без которой он будет погребён технократической катастрофой и вавилонским непониманием всеми всех.

Не так давно на канале «Культура» состоялся такой разговор — ограничивают ли нас нормы и стандарты или дают возможность развиваться. Пожалуй, исчерпывающим ответом стал пример ПУШКИНА: он ведь тоже создал «стандарт» — русский литера-

турный язык. Но этот стандарт так высок, что внутри него можно расти сколько угодно.

Порой мы стонем, что стандарты сложны, скучны и вообще не нужны. Нам кажется, что их оправдание, раз уж они неизбежны, в следовании им без раздумий и траты времени. Но нет, утверждают наши сегодняшние эксперты, стандарты и нормы должны быть осмыслены и даже прочувствованы, выстраданы и интеллектуально ёмки.

И это имеет отношение не только к техническим характеристикам, но ещё больше — к «неизмеряемому»: нормам человеческого общения, идеалам воспитания, профессиональной культуре, даже — к творчеству. Тогда можно ожидать, что высокие стандарты приблизят нас к лучшему будущему, а не низведут к потребностям ниже пояса.

Евгений Ямбург: «Не делайте под Маяковского, делайте под себя»

«На самом деле есть вещи трудные и скучные. Ничего весёлого в том, чтобы выучить таблицу умножения, нет, но её надо выучить. Это некое сочетание требований и, если хотите, такого вольного свободного духа», — не устаёт повторять Евгений Александрович ЯМБУРГ — педагог и общественный деятель.

Автор профессионального стандарта педагога, заслуженный учитель РФ, доктор педагогических наук недавно побывал в СФУ по приглашению Института педагогики, психологии и социологии. Профессор провёл в институте общественно-профессиональную экспертизу основной профессиональной образовательной программы подготовки учителей начальных классов и выступил с открытиями лекциями.

О Ямбурге (и Ямбургом) написано много. Сама его жизнь — наглядный пример того, как можно идти против течения, нарушать действующие нормы и правила и при этом побеждать. На одной из лекций в СФУ Евгений Александрович, общаясь с аудиторией, вдруг понял, что студенты первых курсов педагогического колледжа и педуниверситета испытывают трудности с терминологией. Он на ходу перестроился, показав будущим учителям начальных классов пример гибкости и разумного «нарушения плана урока».

Ленты, кружева, ботинки...

Евгений Ямбург одновременно и блестящий практик, и эксперт отечественной педагогики. Как сегодня образовательные учреждения прохо-

дят государственную аккредитацию? Подают заявление, оплачивают пошлину, эксперты читают образовательную программу и выдают заключение.

— Существует перечень вопросов: ФГОСЫ внедряются? На сайте размещено? Прозрачно? Да. Тогда ура, вперёд! Но это, так сказать, фиктивно-демонстрационный эффект, — считает Евгений Александрович. — Конечно, новый закон об образовании — он на вырост, как и профессиональный стандарт педагога. В соответствии с ним, как ни странно (и для многих это совершенно дико), аккредитации подлежат не школа, не педагоги, а образовательные программы — бумажки! Многих это удивляет, а меня очень радует и вот почему. Это означает, что если я и ещё трое таких же чудачков решили открыть школу (у нас есть помещение), мы имеем право это сделать, если аккредитовали свои программы, т.е. содержание деятельности, что само по себе — шаг вперёд.

Но закон помогает не всем, а только тем, кто дружит с головой. Именно наличие образовательных программ даёт право на финансирование, на субсидии государства, поэтому сегодня любой школе предписано иметь образовательные программы всех уровней. Причём дошкольное образование тоже считается уровневым.

Итак, программы школы обязаны выкладывать на сайт. Это хоро-

шо, конечно, потому что избавляет от бюрократизма, но когда я увидел, что именно выкладывают, мне стало дурно. Почему? Во-первых, опыта такого люди не имеют; во-вторых, они перекачивают информацию из Интернета один к одному, а в-третьих, спутано всё: стратегия образования, программа развития, образовательные программы... А если не знаешь куда плыть, никакой ветер попутным не будет. Так вот, «куда плыть» — это стратегия. Но к ней надо понимать, как идти — это программа развития. А уже из этого вытекают образовательные программы. Но закон не требует ни стратегии, ни программы развития, поэтому все шлёпают образовательные программы, где всё перепутано: ленты, кружева, ботинки...

Как некий образец я опубликовал в августе этого года в «Учительской газете» огромный материал о том, как должны выглядеть стратегия и программа развития. Примерно через полмесяца буду публиковать программу для дошкольных учреждений. Она самая сложная и кардинально отличается от всех других.

А судьи кто?

— В настоящее время идёт внедрение федеральных государственных образовательных стандартов. Это очень важное дело, — продолжает Ямбург. — Стандарты писали умные люди, поэтому наряду с предметными компетенциями («жи-ши пиши через и», а «не с глаголом — отдельно») во всех ГОСтах заложены метапредметные компетенции, универсальные учебные действия, личностные смыслы. В образовательных программах написать можно всё что угодно, но оценить это объективно могут только профессионалы. Поэтому важно хорошо подготовить экспертное сообщество, для того чтобы экспертиза была адекватной тем задачам, которые поставлены...

— Приведите пример, когда лично вас что-то очень сильно не устраивало в какой-либо образовательной программе?

— Одна из задач, которая поставлена в законе об образовании, — это реализация концепции инклюзивного образования, когда здоровые и больные дети учатся вместе. Если я вижу — в программе пишут, что к 2017 году эта задача будет решена, сразу понимаю: всё формально и, простите, туфта! Не может программа быть решена реально уже в силу того хотя бы, что нет соответствующей подготовки учителей.

— А интересный опыт, программы, которые вас впечатлили?

— Есть замечательная образовательная программа в Республике Марий Эл, где директор лицея Григорий ПЕЙСАХОВИЧ. Как и у нас в Центре образования № 109 (*знаменитая школа Ямбурга в Москве, — прим. автора*), там обучают больных детей. Очень интересная работа идёт в Новониколаевском районе Волгоградской области (это вообще деревенские школы, но они продвинулись лучше всяких городских).

Кстати, о деревенских школах... В 90-е годы я оказался в Финляндии. В то время мы как раз начали закрывать сельские школы, шёл процесс укрупнения. И министр образования Финляндии говорит мне: «Ямбург, что вы там делаете в России? Мы это уже прошли». Дальше он рассказал забавную историю. Когда случился кризис в стране, в целях экономии бюджета в Финляндии стали закрывать сельские школы и отправлять детей в интернат. Это у нас, в России: то автобус сломался, то бензина нет, то БТР нужен — не доедешь, а у них — небольшое государство, прекрасные дороги и великолепные автобусы. Но тревогу забило финское министерство здравоохранения, потому что началась алкоголизация населения. Дело в том, что дети — это контроль

23–24 октября заслуженный учитель РФ, доктор педагогических наук, академик РАО Евгений Ямбург провёл в СФУ мастер-классы и лекции

за родителями. И было принято системное решение — восстанавливать сельские школы, чтобы не спивалось население. Вот это и есть системный подход!

Федеральный стандарт для дошкольников

О важности сюжетно-ролевых игр, проектной деятельности, работы с предметно-развивающей средой, о необходимости создания взросло-детского сообщества и деятельностном подходе академик Ямбург готов говорить часами... За плечами — огромный опыт.

— Вы не поверите, но 90% моего времени уходит на два подразделения школы — больницу и детский сад, потому что это сегодня самое сложное, — рассказывает Евгений Александрович. — Кстати, когда я написал, что любой педагог-дошкольник должен иметь высшее образование, на меня обрушилось полстраны. Мол, вы не понимаете, что кадров не хватает, что работают даже люди, у которых вообще нет никакого образования; вы хотите уничтожить педагогические колледжи? Ну конечно нет! Я много езжу по стране и понимаю, что реально происходит. Хоть мы и убрали пункт про высшее образование от греха подальше, но я продолжаю пребывать в своём убеждении. Почему? Самая ювелирная работа, требующая прекрасного образования, это работа педагога, и самая высшая квалификация должна быть там. Конечно, быстро мы к этому не придём, но надо стремиться.

И ещё. У дошкольного образования есть свои серьёзные задачи, и стандарт должен быть гибким. Это формирование психических функций, развитие мелкой моторики, произвольного внимания. Жизнь ребёнка должен прожить, и подготовка к

школе не главная и единственная задача детского сада. В отличие от школы здесь нет целей, а есть ориентиры. Дети рождаются разными и развиваются по-разному, и не нужно всех стричь под одну гребёнку. Для одного ребёнка достижением является оригинальный рисунок, а для другого — картинка, собранная из пазлов.

Если мы напишем стандарты, как везде, то с нашей логикой мышления можем прийти к ЕГЭ в детском саду в форме тестов. Это же пародия! Кстати, именно к этому мы уже подошли в начальной школе, где заявлено общее тестирование при переходе на следующую ступень.

Так удобнее чиновникам, но никакого отношения к развитию детей не имеет.

для справки

С 2014 года Институт педагогики, психологии и социологии СФУ (директор О.Г. СМОЛЯНИНОВА) в рамках государственного контракта с Министерством образования и науки РФ осуществляет обучение учителей начальных классов по новой практико-ориентированной модели подготовки для новой школы. По итогам общественно-профессиональной экспертизы в октябре 2015 года Координационный совет Минобрнауки РФ под председательством академика РАО Виктора БОЛОТОВА одобрил новые образовательные модули СФУ по подготовке учителей начальных классов.

Достижения должны оцениваться не абстрактно, а исходя из знания проблем и особенностей развития каждого ребёнка.

Рабочие программы не должны быть жёсткими, их можно и нужно корректировать в случае необходимости. Рассмотрим ситуацию: с утра в семье был скандал, ребёнка с опозданием, заплаканного, привели в детсад, а он главный в коллективной инсценировке. Надо быть идиотом, чтобы всё-таки провести эту инсценировку. Отложите! Речь идёт о гибкости альтернативного планирования. Несоответствие реально проведённого занятия его плану не может быть поставлено в вину педагогу, коль скоро он обосновал необходимость изменений. Суть в том, что мы идём за ребёнком. Вот это и есть работа по новым стандартам.

Общественная аккредитация — шаг первый

Новым Законом «Об образовании в РФ» (ст. 96) предусмотрена общественная аккредитация организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

— Пока ещё система только формируется, — поясняет Ямбург. — Чтобы в полную силу заработала общественная экспертиза, нужны специальные общественные организации гражданского общества. Одну из таких организаций — Ассоциацию педагогов России — мы начинаем создавать в самое ближайшее время, в ноябре 2015 года. Со временем она, как и записано в уставе, будет иметь такое же право, как и государственная.

— Выходит, государство своими силами не справляется?

— Общественная аккредитация нужна, чтобы профессионально

решать многие вопросы в образовании. Функция чиновника — упростить, формализовать и упаковать. И я их понимаю, у них не всегда хватает кадров, они не могут охватить всю территорию и делегируют часть полномочий в муниципалитеты, где, в свою очередь, тоже не хватает специалистов. Невозможно из одного центра управлять всем! Вот и превращаются образовательные программы в формальность, дублируют друг друга. Хотя двух одинаковых программ по определению быть не может. Программа только тогда работает, когда она создана под конкретных детей, школу, детский сад, а не просто висит на сайте, загромождая информационное пространство...

Если же будет создана общественная профессиональная организация, в этом случае есть другие способы проверки. Профессионалам это сделать намного проще, чем чиновникам. И подчас не нужны ни справки, ни отчёты. Зачем время терять? Общественная аккредитация — это не альтернатива, а дополнение к уже существующей системе.

Есть такое понятие — внутренний аудит. Скажем, для того чтобы психотерапевты не использовали служебное положение в собственных интересах за счёт больного, ассоциация психотерапевтов Америки каждые два года досконально их проверяет. И психотерапевт в США больше боится своей профессиональной ассоциации, чем внешней государственной проверки. Подобная история и с адвокатами. Точно такая же система нужна и в учительской среде.

Это как раз то, что в Конституции РФ записано как государственно-общественное соуправление. Как только мы создадим такое соуправление — можно будет говорить и об общественной процедуре аккредитации.

Соб. инф.

Что бывает, когда нарушают

Стандарты, как известно, вещь серьёзная. Их несоблюдение влечёт за собой пренебрежительнейшие, зачастую трагические последствия. У технического директора предприятия «Научно-технический прогресс» Михаила Петровича САШКО к стандартам особое отношение. Его профессиональная деятельность после окончания в 1978 году Красноярского политехнического института с самого начала накрепко связана с этими строгими документами.

Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть его послужной список: работа в краевой инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля, начальник отдела «Качество, стандартизации и метрология» проектно-технологического треста «Оргтехстрой», преобразованного в открытое акционерное общество «Научно-технический прогресс», в котором с 1993 года он занимает пост технического директора. Такой впечатляющий опыт делает его совершенно незаменимым экспертом, когда речь идёт о строительных нормах и правилах и ситуациях, связанных с их неисполнением.

— Михаил Петрович, насколько сильно строительные нормы и правила, действующие сегодня, отличаются от тех, что были прежде?

— Строительство — отрасль древняя и застывшая. По многим направлениям стандарты не пересматривались с 1987 года. Но ведь и физические законы, на которые, по сути, эти стандарты опираются, тоже пока, вроде, не пересматривались. Я часто об этом напоминаю людям, которые не понимают самых элементарных вещей, не видя физики происходящих процессов.

Например, приходится доказывать, что температурное расширение никто не отменял, и что если вбить стальные элементы между блоками сиенита, то металл этот сиенит обязательно разрушит. Именно это и произошло на улице Дубровинского с аркой Коммунального моста рядом с Красноярским краеведческим музеем. Помню, меня тогда убеждали, что это просто вода попала. Какая вода? Всего-то надо было взять справочник и выяснить разницу в линейном расширении металла и линейном расширении гранита. Разница эта, кстати, составляет 12,5 раз. Разрушение произошло летом. Так что просто солнышко металл нагрело, он и выломал кусок сиенита.

Или взять морозную деструкцию. Её тоже пока никто не отменял. И даже неспециалисту известно, что если хорошенько промочить какой-то предмет, а потом его заморозить, он обязательно в той или иной степени подвергнется разрушению. Так что у СНиПов не много поводов для частых изменений. Они достаточно долговечны, потому как не с потолка написаны.

Другой вопрос, что не все СНиПы в нашу эпоху рыночной экономики обязательны для применения, как в советские времена. Например, тогда внутренняя отделка сдаваемых в эксплуатацию жилых домов и все применяемые строительные мате-

риалы должны были соответствовать государственным стандартам или, за редким исключением, техническим условиям (а за ещё более редким исключением — стандартам предприятий). Сегодня же внутренняя отделка нового жилого здания может очень отличаться от того, что прописано в СНиПе. Просто этот раздел не обязателен к применению — всё на добровольной основе. Таким образом, одно жильё у нас продаётся как элитное, хотя ни в каких документах не прописано, что бы это значило, а другое идёт с черновой отделкой (такого понятия тоже нет в официальных документах). А иное и вовсе, по версии застройщика, обладает так называемой евроотделкой. За этими словами нет ни цифр, ни каких-то показателей, позволяющих понять, что к чему относится. Как без них определить, насколько отделка «элитна» или, напротив, «черна»? Насколько она европейская? Где критерии? Нет абсолютно ничего! Просто пустышка, придуманная для того, чтобы дурить покупателей.

— А чьи стандарты более жёсткие? Наши или зарубежные?

— Конечно наши, российские. Но на наших стройках сплошной интернационал. И наши жёсткие стандарты выполняются работниками самой низкой квалификации, которые за свой труд много не просят. Вообще, уважение к рабочей профессии у нас потеряно. А потому о жёстком соблюдении наших жёстких стандартов говорить не приходится.

Но если говорить о строительных материалах, то здесь картина иная. На заводах строительной индустрии у нас налажен достаточно строгий контроль. Продукция проверяется в заводских лабораториях, затем её подвергают проверке заказчики, принимающие материалы на стройплощадке.

Наша лаборатория в этом процессе тоже активно участвует. В этом году мы около полутора тысяч партий образцов испытали на прочностные характеристики.

Так что с материалами порядок. В качестве положительного примера можно привести строительство нового моста. Мостовики ни один из заявленных показателей не занизили.

Более того, все показатели по опорам моста завышены на одну, две, три, а то и четыре ступени.

Также в этом смысле можно похвалить гостиницы «Ибис» и «Новотель» на улице Карла Маркса. Возводят их зарубежные фирмы, но поставщики — наши заводы. Ни одна проба не показала результата ниже заявленного. Так что не всё так плохо.

— Радует, что с материалами порядок. А как с технологической дисциплиной?

— А вот здесь, к сожалению, проколов предостаточно. Не Япония, прямо скажем. Это там работники выстраиваются в полном составе и дают торжественную клятву честно служить компании, строго следовать, старательно соблюдать, внимательно следить, чётко исполнять и прочее, и прочее. И только потом идут работать — исполнять, следовать и соблюдать в полном соответствии с клятвой. У нас такое и представить себе нельзя.

— Михаил Петрович, а что чаще становится у нас причиной чрезвычайных ситуаций: ошибки, допущенные при проектировании, ошибки при строительстве или безалаберная эксплуатация?

— К сожалению, статистику мало кто ведёт. Возможно, вообще никто не ведёт. Определённый анализ я делал, но пока чёткий ответ дать не могу. Где-то через год планирую издать новую книгу «Чрезвычайные ситуации в строительстве», в которой, как и в книге, вышедшей в 2007 году, буду описывать причины аварий. Скажу только, что проектировщики здесь в конце списка. А на первое место сейчас претендует эксплуатация. Сегодня объектами недвижимости управляют совершенно непрофессиональные люди. И, как правило, их абсолютно не волнует, что с этими объектами будет происходить — их задача выжать максимальную прибыль, сдавая объект в аренду. Взять обрушение на Телевизорной, 1/11. Там была начата реконструкция, но проект реконструкции сделан не был — на нём сэкономили, решив обойтись лишь рисованием эскиза.

Ко всему прочему, на этом объекте предполагалось проведение трёх операций: усиление фундамента, усиление стен, усиление каркаса. Следовательно, необходим был и проект производства работ, определяющий их последовательность. Но проект этот по тем же причинам тоже не был сделан. Ну и, конечно, надо было обязательно поставить страховочные конструкции и отселить людей. Отселили только один этаж, на котором непосредственно производились работы. Результат? Этажи рухнули, и люди погибли. Я посчитал, почти двадцать четыре тысячи рублей капало в день за аренду собственнику на этом объекте. Так что всё по Марксу — «нет такого преступления, на которое не пошёл бы капитал...», ну и далее по тексту. Анализ произошедших аварий вполне эти слова подтверждает. Главная их причина — алчность. А потому, надо признать, что мы постоянно находимся под угрозой, посещая все эти зачастую вполне надёжные с виду сооружения.

Прочем, надо сказать, что даже когда их надёжность вызывает сомнения, это совсем не означает, что объект будет закрыт, какой бы шум ни подняли газеты и телевидение. Ведь хозяин вполне может оказаться где-нибудь на Кипре, и обнаружить его будет проблематично. Даже в случае уже произошедшего обрушения найти собственника бывает не так-то

просто. И вообще, собственнику нельзя сказать: «Давай-ка, сноси свою развалюху». В моей практике бывали случаи, когда, подехав к частному дому, находящемуся в самом плачевном состоянии, слышишь: «Это моя собственность. Валите отсюда. Задавит меня — ну и пусть. Это не ваше дело. Зато мои дети получают квартиры».

Вот обычная логика. Так что частная собственность, конечно, создаёт немалые проблемы в контроле.

— Как же этот вопрос решается в других странах, где, по слухам, порядка больше?

— А чаще всего так же: «Кто строит этот особняк за забором? Да какой-то русский. Его у нас никто в глаза не видел». Для того чтобы попасть за эти заборы, у них, как и у нас, нужен достаточный повод. Как правило, это гибель людей. Так что нет тела — нет дела.

— Да, не очень-то оптимистично. Ну а как с государственной собственностью? С ней-то в этом смысле должно быть проще.

— А там коррупция. И сопутствующие ей непрофессионализм и безответственность, которые часто приводят просто к ужасающим последствиям.

Я был глубоко потрясён тем, что произошло с ребятами-десантниками в Омске. Подробно я в эту ситуацию не вникал, но, судя по фотографиям, однозначно не выдержали нагрузки опоры перекрытия.

— А насколько такие перекрытия вообще надёжны?

— Железобетонные перекрытия — достаточно надёжная конструкция. Разрушения по плитам крайне редки. В моей практике они вообще не встречались. Как правило, разрушается опора, на которую опирается плита. Почему это происходит? Просто вместо того, чтобы опираться на 200 миллиметров опоры или в крайнем случае на 120 миллиметров, случается, что плита заходит на опору сантиметров на пять. Этого достаточно, чтобы при перегрузке произошло смятие опоры. Подобное стало причиной последнего обрушения, произошедшего в Минусинске. В доме на внутреннюю стену, в которой были дымоходы для каминов, две балки опирались практически на шесть сантиметров одна и на шесть сантиметров другая. Достаточно было небольших подвижек во время ремонтных работ, и перекрытия рухнули.

Довольно часто перегруз случается, когда во время ремонта в здание заносятся и сваливаются в кучу строительные материалы — песок, цемент, кирпич. При этом никто не думает, сколько же весят эти материалы, внезапно увеличивающие нагрузку на перекрытие. Перегруз случается и когда увеличивают толщину перекрытия, не понимая, что этим увеличивают её собственный вес. Например, в общежитии на улице Вавилова для улучшения гидроизоляции три раза добавляли бетон. В конечном итоге на плиту, толщина которой составляла 120 миллиметров, уложили 200 миллиметров бетона. А это значит, что на каждый квадратный метр добавили практически полтонны.

На каждый квадратный метр! Не удивительно, что перекрытия рухнули.

— Но ведь именно так у нас жильцы многоквартирных домов самостоятельно выравнивают стяжку полов в квартирах и на лоджиях, приобретя жильё с этой самой «черновой» отделкой. И ориентируются, конечно, не на сопромат, а на цену, которую придётся выложить за раствор. Ну, может, ещё на высоту потолков, которая в результате неизбежно уменьшится.

— Совершенно верно. Вся эта самодеятельность до добра не доводит. А чужой опыт, как известно, учит только умных. Кстати, в том же общезнании через несколько лет опять случилось обрушение, когда было решено демонтировать аварийную часть здания. Проект демонтажа, в котором следовало предусмотреть установку страховочных конструкций, конечно, не сделали. Пришли рабочие, разобрали крышу, и в результате шлак, которым был засыпан чердак, промок насквозь. А дальше всё по классическому сценарию.

Или ещё одна ситуация с крышей. Разобрали, недолго думая, бросили на две деревянные балки брус и уложили на него шифер — получили для себя неожиданный, но вполне предсказуемый для специалиста результат. Вот только специалист по сложившейся у нас традиции там и рядом не стоял.

И так повсеместно. Ярчайший тому пример — обрушение подпорной стены на проспекте Свободный. Грамотному специалисту и в голову бы не пришло засыпать трещину при отклонившейся подпорной стене и закатать всё в асфальт, усугубив ситуацию.

— Да, с самодеятельностью у нас проблема. Но, подозреваю, не всегда и присутствие специалиста может предотвратить аварию. Да и совсем избежать их, видимо, невозможно. Но что сделать, чтобы сократить аварии до минимума и снизить тяжесть последствий?

— Если быть последовательным и не отступать от выше сказанного, то на этот вопрос следовало бы ответить так: первым делом надо побороть человеческую алчность. Но эта задача такого глобального масштаба, что, рассуждая о ней, можно далеко уйти от темы нашего разговора. А потому остановлюсь на простых и вполне решаемых моментах. В первую очередь — на подготовке специалистов.

Как практику мне в последнее время довольно часто приходится сталкиваться с так называемыми специалистами, которые, судя по всему, в годы обучения вообще не ходили на лекции. Зачастую они совершенно ничего не понимают в профессии, не умеют работать и не в состоянии брать на себя ответственность. Полнейший инфантилизм. Они не знают, что ответить на элементарнейшие вопросы. И так везде, не только в строительстве. Помню, в какой-то телепередаче девушку, с отличием окончившую экономический факультет, спросили, чему равен корень квадратный из ста. «Ну, не знаю, — был ответ. — Для этого калькулятор нужен». Конечно, для сложных вычислений желателен калькулятор, никто не спорит. Но ведь здесь не о вычислениях речь. Здесь достаточно было знать и понимать сам принцип. И ничего больше.

Молодые люди совершенно разучились думать, привыкнув пользоваться подсказками техники. И это скверно. В конце концов, необходимые знания можно и в справочниках найти. Но когда нет навыка думать, нет понимания, какие процессы происходят и почему, тут справочники и калькуляторы не помогут.

— Кстати, мне кажется, что от уровня нашего понимания во многом зависит соблюдение нами норм и правил. Это у нас, видимо, такая национальная особенность.

— Да, мы не японцы, которые, даже не понимая глубинный смысл каких-то норм, будут им неукоснительно следовать. Мы скорее склонны

считать ерундой то, чего не понимаем. И в случае сомнений пусть не всегда, но довольно часто нормам предпочитаем авось. И ситуация в лучшую сторону не меняется, если судить по тому печальному факту, что наша организация, которая всегда занималась предупреждением аварий на строительных объектах, сегодня всё чаще занимается судебно-строительной экспертизой.

Дел, которые должны ответить на вопрос, почему произошла та или иная авария, какой ущерб нанесён, кто виноват и кого наказать, у нас накапливается до семидесяти в год.

Вообще-то, это работа не свойственна нашей организации, но учитывая, что мы уже пятьдесят два года в строю, а потому имеем большой опыт в расследовании аварий, к нам обращаются как к одной из последних инстанций, которая может защитить потребителя.

— Михаил Петрович, если говорить о потребителе, то на что ему, бедняге, в случае чего можно опереться из всего этого огромного свода строительных норм и правил?

— На самом деле потребителю нет нужды изучать СНиПы и прочие документы. Ему вполне достаточно ознакомиться с Федеральным законом № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», который был принят в 2009 году и в который в 2013 году были внесены изменения.

Закон этот принят для защиты жизни, здоровья и имущества граждан, для предупреждения действий, вводящих в заблуждение приобрета-

телей, обеспечения энергетической эффективности и так далее. С законом и перечнем стандартов и сводов правил можно без проблем ознакомиться в Интернете в открытом доступе. А потому не буду здесь излагать и толковать конкретные статьи регламента, а приведу конкретный житейский пример того, как этот документ работает.

Одна дама, возвращаясь вечером домой, шла по парковке вдоль отмости, которая была перегорожена козырьком из сотового поликарбоната. Наступила на него и полетела вниз, поломав руки-ноги. Собственник платить отказался, заявив, что даме наступать на козырёк было совсем не обязательно, а потому она сама виновата. Когда подняли чертежи, то оказалось, что согласно проекту этот самый козырёк должен был состоять не только из сотового поликарбоната, но и иметь каркас из стальных прутьев. Но никакого каркаса в козырьке обнаружено не было. А это значит, что эксплуатирующая организация, которой принадлежит территория и объект, приняла его в том виде, в каком принимать не имела права. Так что дама деньги отсудила.

Как ей это удалось, можно понять, открыв и почитав упомянутый Федеральный закон. Там в одиннадцатой статье второй главы чётко сказано: «Здание или сооружение должно быть спроектировано и построено, а территория, необходимая для использования здания или сооружения, должна быть благоустроена таким образом, чтобы в процессе эксплуатации здания или сооружения не возникало угрозы наступления несчастных случаев и нанесения травм людям — пользователям зданиями и сооружениями в результате скольжения, падения, столкновения, ожога, поражения электрическим током, а также вследствие взрыва». А в пункте 2 статьи 36 пятой главы говорится следующее: «Параметры и другие характеристики строительных конструкций и систем инженерно-технического обеспечения в процессе эксплуатации здания или сооружения должны соответствовать требованиям проектной документации». Всё!

Этот документ надо каждому знать как «Отче наш». Он небольшой. Да и изучать глубоко его совсем не обязательно. Достаточно понять сам принцип — человеку во всех случаях должна быть обеспечена безопасность. Вообще, в этом документе никакие конкретные моменты не рассматриваются. Если изложить его в упрощённом виде, то проектировщик, строитель и тот, кто эксплуатирует здание, должны вести себя хорошо и выполнять все нормы и правила. Для защиты в суде этого достаточно. Если интересно, то можно посмотреть внушительный перечень стандартов и сводов правил, который был утверждён после принятия регламента. В него, кстати, вошли и СНиПы, принятые намного раньше.

На этом приятном для потребителя открытии, дающем надежду, что он в случае чего защищён законом, разговор о строительных нормах и правилах можно закончить. Это всё, что потребителю надо знать. Конечно, если потребитель имеет неосторожность принадлежать ещё и к строительному сообществу, то знать ему следует значительно больше.

Галина ДМИТРИЕВА

Эйчары собирают пазлы

Четверть нашей жизни проходит на работе. Это если по Трудовому кодексу. А кто-то и больше прихватывает: нормой стало иметь пару-тройку подработок на стороне, задерживаться в конторе, доделывать «хвосты» по выходным. Людмиле РУЖИЛОВОЙ, директору по персоналу Красноярского энергомеханического завода, мы собирались задать вопросы о современном нормировании труда и о том, как соблюдают эти правила работодатели и сами работники. Но разговор получился богаче — о капризах соискателей, корпоративной культуре, главной мотивации сотрудников и идеальных компаниях.

— Мне кажется, работодатели тоже успели привыкнуть к «перепрыгиванию» и уже не относятся к нему столь болезненно. Частая смена работы вошла в привычку у всех. А как удерживать... К разным людям требуется разный подход. Есть такие, кому действительно надо раз в три года менять работу. Что делают грамотные работодатели с такими сотрудниками? Переводят их в другую область, на другое поле деятельности. А западные компании очень активно пользуются релокацией — отправляют персонал поработать в одном городе, потом в другом.

Что касается воспитания лояльности, то методики мотивации изменились. Если раньше они имели массовый характер, то сейчас большую ценность приобретает индивидуальный подход. Руководитель должен понимать, что нужно данному человеку в конкретный момент времени. Причём это не исключает создания комфортных условий труда. Пирамиду Абрахама МАСЛОУ никто не отменял: пока низшие потребности не будут удовлетворены, не будут реализованы и высшие. Тёплое, чистое, хорошо освещённое рабочее помещение сейчас уже норма — те, условно говоря, сараи, в которых люди работали раньше, уходят в прошлое.

— И тут мы плавно выходим на нормы труда...

— Если уж к нормам труда, то государство очень сильно жмёт на работодателя. С этого года обязательной стала специальная оценка условий труда — при их несоответствии нормам штрафы просто колоссальные.

Нормативы касаются всего: освещённости, температуры, звукоизоляции. На нашем производстве, например, работает оборудование на ультразвуке, и пребывание рядом с ним строго дозировано. Плюс работник получает доплату за вредность 4% сверх оклада, 7 дней к ежегодному отпуску, сокращённую рабочую неделю. У каких-то профессий есть ранняя льготная пенсия и так далее. Государство сейчас обратило особое внимание на соблюдение работодателями всех необходимых требований. Ещё совсем недавно на это смотрели сквозь пальцы. И мало кто полностью соблюдал нормы вообще.

— А существуют ли нормы, связанные с ограничениями времени работы за компьютером? Я, например, провожу за ним не меньше 11 часов в сутки.

— Конечно, они есть. И все мы их нарушаем. Здесь, я считаю, просто необходима производственная гимнастика, как в советское время. Интересно, что чем больше я работаю в HR, тем больше убеждаюсь, что разработки советских НИИ в вопросах охраны труда были очень корректными по отношению к человеку. Хорошо, что многое из этого возвращается.

— То есть у нас в стране был период беспредела работодателей, а теперь всё должно стать как прежде?

— И хорошие управленцы при этом сами понимают, что такие условия надо создавать не только из-за того, что сверху давит буква закона, но и просто потому, что это органично.

Сейчас, на мой взгляд, бешеное завоевание рынка закончилось, его нет и быть не может, и впереди оказываются компании, которые работают более тонкими инструментами. И более корректными методами.

— А некоторые идут ещё дальше. В некоторых компаниях Швеции, например, не так давно ввели 6-часовой рабочий день.

— И правильно. Нормированием времени заниматься необходимо. Не обязательно это будет 6 часов, возможен и другой распорядок. Исходя из своего личного опыта, я бы давала индивидуальный график работы каждому сотруднику. Потому что есть те, кто с утра малоэффективен, плохо соображают, нуждаются во времени на раскачку и так далее. А кто-то, напротив, более работоспособен в первой половине дня. Летом в пятницу тоже в идеале было бы отдыхать, а не работать, у нас лето такое короткое.

— Экономика пострадает.

— На самом деле ничего не пострадает. Время работы и её эффективность — абсолютно разные вещи. Взять наших чиновников, которые отсиживают за столом целый день, а эффективность их равна часу рабочего времени. Я хожу по нашим властным структурам и наблюдаю, с какой напряжённостью там работают.

Если руководитель мог бы устанавливать свои нормы работы для каждого сотрудника, это было бы грамотнее и правильнее.

— А ещё часто пишут, что в России слишком много праздников. Как это влияет на эффективность?

— Много, пожалуй. Но я бы не сказала, что это как-то особенным образом сказывается на эффективности. Просто предприятия очень разные.

Там, где идёт круглосуточное производство, какие праздники? Для других — да, январь можно вычёркивать, происходит сезонный спад, потому что все деловые партнёры находятся на отдыхе. Лично для меня новогодних выходных много.

— Суббота перестала быть рабочей совсем недавно, в конце 60-х. Есть надежда на то, что в перспективе выходной станет и пятница?

— Я думаю, что в компаниях, которые смогут себе это позволить, три выходных в неделю станут нормой. Хотя я бы лучше сделала выходной среду. Идеальный график.

— Людмила Евгеньевна, как директор по персоналу вы занимаетесь подбором кадров. Есть ли у вас какие-то профессиональные секреты? Что самое сложное в работе? Как вы относитесь к модному сегодня типированию сотрудников при отборе в команду?

— Типирование, на мой взгляд, не очень корректный термин. Есть понятия «профиль должности», «компетенции».

— Имеются в виду личные качества, типы личности, которые необходимы для совместной работы.

— Каждая команда профессионалов уникальна — её приходится формировать и под специфику деятельности предприятия, и под руководителя. Это непростая задача. Если руководитель может понять, какую, собственно говоря, команду ему нужно, то это высший пилотаж, высокий уровень профессионализма.

Впрочем, нельзя говорить, что любая группа людей при своих должностях — не команда. Точно так же нельзя про компанию сказать, что в ней нет корпоративной культуры.

— Отсутствие культуры тоже культура?

— Да, и умный человек всегда найдёт, что полезного сохранить. Важно понимать, что именно ты хочешь создать, для чего, куда намерен идти. Набор сотрудников — это очень сложный процесс, с привлечением различных методик и оценок. Проводится многофакторная диагностика каждого руководителя.

Что касается типирования, то оно, наверное, оправдано, когда речь идёт о масштабировании — создании какой-либо филиальной структуры, бизнесов в других областях, аналогичных уже работающему. Тогда и используются некие стандартные методики, показавшие свою эффективность. Но всё это применимо скорее для западных компаний, в которых бизнес имеет столетнюю историю.

Сложно понять, где искать типовых сотрудников. К сожалению, человека нельзя просто так измерить и сказать: да, он идеален для этой должности. В работе мне встречались люди, которые идеально проходили собеседование, все этапы отбора, но как работники оказывались бесполезны. И, наоборот, были те, кто не подходил под критерии и шаблоны — мне как рекрутеру приходилось убеждать руководителей принять именно их, но потом оказывались ценными кадрами. Нельзя загонять людей в какие бы то ни было рамки.

— Банальный вопрос, конечно, но что бы вы посоветовали соискателю, который пришёл на собеседование? Есть ли какие-то «крючки», которые сразу цепляют рекрутера?

— Конечно. Важно, когда человек приходит устраиваться на работу, уже что-то знать о компании. Сейчас масса возможностей найти нужную информацию. Если соискатель осведомлён о предполагаемом месте работы, значит, он уже предпринял некоторые усилия и понял, что оно ему интересно. Он уже что-то для себя решил, уже замотивирован.

Но когда кандидат приходит просто так, считая, что он чудесный и замечательный, и поэтому компания ему уже должна, это неправильно. Вообще отношения сотрудников и компании — как в семье, где все должны совершать усилия, чтобы получалось эффективно и хорошо. Почему, например, в крупных компаниях многие люди не могут найти себя? Они

— Людмила Евгеньевна, что сейчас происходит в сфере управления персоналом? Появилось что-нибудь новое, каковы тенденции?

— Тенденции вообще-то едины в глобальном масштабе. Что добавилось в России в последнее время в связи с экономическими трудностями, понятно: тотальная оптимизация, стремление повысить эффективность персонала, снизить затраты, в том числе за счёт повышения квалификации работников.

— То есть одних выгнать, других подучить.

— Да-да. В принципе, это тоже стандартные меры, которые становятся модными в то или иное время. Сейчас как раз настал такой этап, когда компании стремятся при меньшем количестве вложений в сотрудников достичь максимального дохода. Буквально 10–15 лет назад об этом даже речи не могло быть.

— А какие методы, кроме обучения, используют работодатели, чтобы повысить эффективность своих подчинённых?

— Внедряются такие процессы, как автоматизация: сокращается доля ручного труда. На складах, например, применяется логистика. Плюс изменение технологий, которое может идти в двух направлениях: смена структуры бизнес-процессов какого-то участка производства и в целом всей компании либо изменение технологических процессов с использованием новых материалов, поставщиков. Не секрет, что с объявлением импортозамещения многие компании начали использовать продукцию, которой не интересовались раньше.

Но базовые принципы в отношении к персоналу не меняются. И, пожалуй, даже повышается значимость людей. Когда мы можем позволить себе содержать большое количество специалистов, ценность каждого в отдельности не столь важна. Но когда ты понимаешь, что ограничен в средствах, а каждый работник обладает уникальностью, которую сложно получить от другого в короткие сроки, тогда люди приобретают другую ценность.

— Современные сотрудники не слишком держатся за место: обычной стала частая смена работы. Что предпринимают работодатели, чтобы усилить лояльность к компании в новых условиях, задержать кадры?

чувствуют себя винтиками, попавшими в машину. Конечно, есть те, кому и винтиком комфортно.

Что ещё важно на этапе собеседования? Я настороженно отношусь к тем кандидатам, кто сразу спрашивает о деньгах. Как можно спрашивать о зарплате, если ты даже ещё не знаешь, что придётся делать? Чаще всего на этом всё и заканчивается.

— **А внешний вид очень важен?**

— Был у меня случай, когда на собеседование пришёл длинноволосый хиппи. Но он оказался отличным конструктором и всего за два года сделал отличную карьеру в компании. Здесь важно понимать, на какое место ты берёшь такого человека. В продажах, конечно, он не годится. Словом, нужен разумный подход, адекватность оценок. Если бы я не работала столько в сфере управления персоналом, я бы, наверное, выражалась модными терминами. Но когда на теорию наложился личный опыт, ты определяешь, подходит человек или нет, «на автомате», не разбирая последовательность своих умозаключений. В этом для меня большое удовольствие от работы.

— **Вы оканчивали СФУ?**

— КГУ, психолого-педагогический факультет. Потом училась по президентской программе.

Вообще, HR и менеджмент в целом у нас странно преподают. Это делают люди, которые никогда никем не управляли. Всегда хочется спросить: чему вы учите студентов? Ведь теорию они могут прочесть и сами. Когда меня зовут что-нибудь рассказать, я не читаю монографий, а стараюсь делиться с аудиторией своим опытом, ошибками, открытиями, которые когда-то произошли для меня в практике работы, совсем в другом формате по сравнению с теорией. За рубежом такого разрыва между образованием и бизнесом нет: там преподавать определённые дисциплины могут только люди с опытом; как правило, это успешные бизнесмены. Государство создаёт условия, чтобы им это было интересно.

— **А как вам современные студенты?**

— Мне кажется, что новое поколение студентов не ориентировано на достижения. Это беда поколения их родителей, которые сами начинали взрослую жизнь и работу в сложных условиях и хотели дать всё своим детям по максимуму. И в итоге воспитали инфантилизм...

Современные студенты доучиваются до диплома и умудряются ни разу не поработать за лето. У многих уже есть квартиры, машины: попробуйте днём припарковаться рядом с СФУ! Возможно, они и будут ответственными работниками, но на достижение действительного результата, такого, что «создал сам», они не ориентированы. Слишком многое за них старались сделать родители. И это печально. Горения в глазах современных студентов я не вижу, мы были другими.

Вот приходит ко мне студент-соискатель: «Я хочу зарабатывать 20 тысяч». А мне хочется задать ему вопрос: «А не хочешь ли ты заплатить мне 20 тысяч, чтобы я научила тебя делать то, что требуется?»...

— **Работодатели пользуются социальными сетями, нанимая сотрудников?**

— Ещё как. Это очень хорошая помощь. Как я уже говорила, я жду от соискателя, что он придёт подготовленным, кое-что разузнав о компании, но и сама заранее собираю о нём ин-

формацию. Во-первых, время дорого. Это вопрос эффективности работы. Даже если предстоит всего лишь телефонный звонок, лучше заранее иметь какое-то представление о человеке. Ну а уж если намечена личная встреча, то тем более стоит изучить профиль будущего собеседника.

Бывает так, что резюме просто отличное. А откроешь страничку соискателя — боже мой...

Я очень люблю социальные сети. Мало того, что ты увидишь профиль человека, — можно посмотреть на его родственников, друзей, получить впечатление о его окружении и понять, попадают ли его ценности в твою корпоративную культуру. Один папаша фотографируется с ребёнком и шариками, другой — с кружкой пива в бане. Я не говорю, что это плохо, просто сразу понимаешь, где кого можно применить. Словом, соцсети очень упрощают работу.

Студенты на Ярмарке вакансий в Сибирском федеральном университете

— **Как вы считаете, а обращение в рекрутинговое агентство — это эффективный путь поиска работы?**

— К сожалению, сейчас очень мало местных компаний работают с агентствами. Чаще всего они имеют своих директоров по персоналу или менеджеров, которые ведут поиски. Но рассказать о рынке могут всё, дать дельный совет. Кроме того, агентства по персоналу работают с крупными федеральными компаниями, и контракты заключаются на федеральном уровне.

— **Кроме рекрутинга, чем вы занимаетесь в своей компании?**

— У меня стандартные обязанности. Вся работа с персоналом: отбор, разработка систем мотивации, материальных и нематериальных. Вопросы обучения: обязательного, профессионального, тренингов. Взаимодействие с контролирующими органами, весь кадровый документооборот.

— **А в сфере мотивации что-нибудь изменилось в последние годы? Нематериальная прогрессирует?**

— Она всегда была важна. Но самым главным нематериальным мотиватором для сотрудников является адекватность руководителя. Это истина. Со всем остальным можно что-то сделать, но когда директор неадекватен, можно предлагать работникам что угодно, но они всё равно не будут удерживаться.

Методов мотивации используется много, это и какие-то элементарные и недорогие мероприятия вроде конкурсов детских рисунков. Они не требуют особых затрат, но сотрудники чувствуют заботу о себе. У нас в компании есть и символические подарки на дни рождения, подарки детям на Новый год. Доставка транспортом, создание комфортных условий на рабочем месте тоже мотивируют. Обязательно устраивать глобальные корпоративы с бешеными затратами. Лояльность работников появляется там, где существует понимание между руководителем и подчинёнными. Словом, повторюсь, всё зависит от адекватности директора.

Хорошие компании в Красноярске есть. Но идеальной корпоративной культуры, как и идеальной системы мотивации, нет. Любая система подходит для конкретного человека в этот момент времени в данной рыночной ситуации.

Я знаю людей, которым очень нравятся банковские структуры. Или крупные нефтяные компании, например. Или та же МТС: она не может плохо относиться к сотрудникам, поскольку имидж компании как работодателя — это в конечном итоге её имидж перед клиентами. Есть и местные компании, о которых, к примеру, бывшие сотрудники говорят с любовью и нежностью. Но всё опять же зависит от руководителя. Если первое лицо — это человек, который болеет компанией, понимает и ценит своих подчинённых, то для них место работы становится идеальным. У меня был такой опыт в своё время.

— **И последний вопрос. Что бы вы как специалист посоветовали сегодня, «на дне» кризиса, рекрутерам, работодателям, работникам и соискателям?**

— Несмотря на то что в связи с кризисом высвобождается много людей, хороших сотрудников всегда мало. И найти того, кто тебе нужен и по профессиональным, и по личным качествам, очень сложно. Наша работа похожа на складывание пазлов. Хороший эйчар должен собрать гармоничную картинку, и если не подходит всего лишь один элемент, ничего не получится. Так что для рекрутеров ничего не изменилось, пожалуй.

Работодателям я бы посоветовала сейчас научиться правильно пользоваться своим персоналом. Находить резервы, поскольку сокращений, к сожалению, не избежать. Нам в нашей компании удалось сократить 30% сотрудников — и это не отразилось на производительности. Секрет в том, чтобы правильно перераспределить функционал, давать новые обязанности тем людям, которым нравится делать такую работу. Кто-то, получив новое дело, уволится, а другой воспримет это как награду. И те компании, которые смогут разглядеть потенциал своих работников, выиграют.

Сотрудникам я бы посоветовала не дёргаться. Конечно, есть такие компании, из которых хочется бежать без оглядки, и тут уже ничего не поделаешь. Но в большинстве других стоит попробовать изменить ситуацию, если она вас не устраивает. Работодатель будет признателен вам за инициативу. Важно, чтобы сотрудник сам понимал, что он — часть компании.

— **В некоторых банках, например, сотрудников очень активно вовлекают в процесс перемен.**

— Тут надо действовать очень аккуратно. Хотя им многое и удаётся, я не очень люблю такие структуры, которые осуществляют насильственные мероприятия над сотрудниками. Всё должно быть в меру. Заставить человека быть инициативным невозможно, да и не нужно. Что потом делать с этой инициативой? Лучше действовать неявными методами, не под лозунгами.

Наконец, соискателям я бы пожелала не бояться начинать с нуля, с самых низов. Хороших компаний мало, так же как хороших людей и адекватных руководителей. И чтобы получить опыт, надо обязательно идти в хорошую компанию с правильной системой и структурой работы и умным директором.

«Если раздуть скандальчик...»

Именно с этого предложения — раздуть скандальчик — в одной из групп на Фейсбуке началась дискуссия по поводу опубликованного в сентябрьском номере нашей газеты интервью с учёным В.Е. ЗАХВАТАЕВЫМ «Сильные стороны слабых воздействий». Ни много ни мало — учёного обвинили в лженауке.

Приглашение «раздуть скандальчик» появилось 13 октября, а уже 17-го октября был готов текст в интернет-издании Газета.ру — разгромная публикация, где не только учёному инкриминировали то, чего он не говорил, но и вузу предъявляли претензии: из фейсбучного обсуждения во главу угла вынесена и подчёркнута мысль, что исследования ведутся «на бюджетные деньги!».

Если при обсуждении в группе ещё звучали трезвые голоса (мол, прежде чем выдвигать обвинения в ненаучности, надо бы познакомиться

с научными публикациями учёного), то журналистка «Газеты.ру», похоже, не утруждала себя даже тем, чтобы прочесть само интервью. Она вполне доверилась комментаторам Фейсбука, причём по закону «скандальчика» как раз самым радикальным.

Девушку можно понять — ну кто станет слушать разумные и сдержанные мнения, когда есть другие: хлёсткие, жёсткие. Люди, произносящие слова типа «феерическая чушь» и «мракобесие», как правило, относительно молоды, модно одеты и достаточно «раскручены». Большей частью это — довольно талантливые популяризаторы науки и асы блогосферы, так что палец им в рот не клади. Но поскольку среди них есть и учёные, всё-таки грустно, что они, ничтоже сумняшеся, готовы уничтожить репутацию коллеги, даже не вникнув в суть.

Мы не будем сейчас доказывать, что герой нашей публикации — всё-таки учёный, а не «лже». Во-первых, есть список его работ (приводим некоторые из них в досье). Во-вторых, по обсуждаемому направлению в СФУ организуется научный семинар,

где все желающие могут и познакомиться с идеями этого научного коллектива, и высказать свои возражения. В-третьих, Владимир Евгеньевич Захватаев на сайте СФУ опубликовал «Открытое письмо в Комиссию РАН по борьбе с лженаукой» (news.sfu-kras.ru/node/16180), где ответил на многие из предъявленных ему обвинений. Наконец, посчитав разумным предложение одного из ведущих отечественных учёных, работающего сейчас за рубежом, — создать комиссию и вынести экспертное заключение по результатам работы лаборатории (такие экспертные оценки — нормальная практика в зарубежных вузах), руководство университета такую комиссию создало, она работает и через некоторое время обнародует своё суждение.

В данном случае мы хотим обратить внимание именно на научную этику. Разве научное знание так очевидно, что «по набору ссылок» вы выносите приговор? (Так, Владимиру Захватаеву ставят в вину, что он апеллирует к академику А.И. Коновалову; но ведь исследования научной группы последнего ещё продолжаются,

оценка предварительных полученных результатов широко дискутируется, и никаких «канонических» вердиктов о лженаучности этого академика от РАН нет.)

А разве исследование непознанных явлений не должно приветствоваться? Или разве экспертные советы индексируемых журналов и грантовых фондов, неоднократно поддерживавшие нашего исследователя, включают в себя некомпетентных учёных? А то, что к результату исследователь идёт годы и при этом может получить в итоге опровержение своей гипотезы — разве не свойственно фундаментальной науке?

Наконец, репутация — по сути, это всё, что есть у учёного. Но вы его шельмуете, любите аргументы в его защиту — отмечаете, а лабораторию призываете «выжигать». Откуда такая кровожадность, уверенность в своей правоте, нетерпимость к другой мировоззренческой парадигме?

Обсуждатели в сетях обвиняют и редакцию — мол, университетской газете надо бы отличать настоящую науку от псевдо. Признаюсь, когда мы просили Владимира Захватаева об интервью, нас интересовала только злободневная тема — как влияют сотовые телефоны, роутеры, микроволновки и прочая бытовая электроника на наш организм и что на сегодняшний день про это знают учёные. Сейчас, познакомившись с лабораторией ближе, мы видим, что она, находясь в самом начале пути, ставит перед собой невероятно сложные задачи: разработку идеи; математическое моделирование гипотезы и собственно эксперимент. Подобного рода сочетание уникально в масштабах всего мира, хотя лаборатории, посвящённые теме воздействия факторов низкой интенсивности, сейчас растут как грибы во всех странах, а число исследований подскочило по экспоненте.

На наш взгляд, из одного научно-любопытства коллеги должны бы поддержать это направление — что если там и правда произойдут научные открытия, способные перевернуть фундаментальные знания? Но, если верить Газете.ру, «научное сообщество возмущено». Закрадывается мысль, что это, возможно, простая зависть — тем более что на первый план вышел тот самый довод — «на бюджетные деньги!»; похоже, людей заботит лишь деление пирога.

Для себя мы считаем дискуссию закрытой.

Валентина ЕФАНОВА,
редактор газеты

ДОСЬЕ

В.Е. Захватаев — кандидат физико-математических наук. Им опубликовано более 20 статей, в том числе четыре статьи, индексируемые в системе Web of Science, девять статей, индексируемых в системе Scopus. Кроме того, ещё одна статья принята в печать в журнале, проиндексированном в обеих системах. В частности,

V.E. Zakhvataev, Possible scenarios of the influence of low-dose ionizing radiation on neural functioning, *Medical Hypotheses* (2015), doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.mehy.2015.10.020>.

Р.Г. Хлебопрос, В.Е. Захватаев, В.П. Слепков, М.И. Кузьмин. О возможности фазовых переходов с образованием пероксидных форм SiO₂ в мантии Земли и их влиянии на мантийную конвекцию. *Журнал структурной химии* (в печати).

В.Е. Захватаев. Приливные вариации активности радона как возможный фактор синхронизации биологических процессов // *Биофизика*. 2015. Т. 60. Вып. 1.

В.Е. Захватаев, Р.Г. Хлебопрос. Электрострикционная неустойчивость Куперштоха — Медведева как возможный механизм фазовых переходов, формирования доменов и пор в липидных мембранах и воздействия КВЧ-излучения на клетку // *Биофизика*. 2012. Т. 57. Вып. 1.

Кстати, статья, опубликованная в журнале «Биофизика» в 2015 г., уже получила две ссылки, которые принадлежат крупному специалисту в обсуждаемом научном вопросе P.W. Barlow (School of Biological Sciences, University of Bristol, UK). Так, в своей статье (*Annals of Botany*, 2015; 116: 149) Barlow ссылается на работу нашего учёного как на предложение нового синхронизирующего фактора в биологических процессах. Видный специалист в области байстендер эффектов из Institute of Radiation Biology (ISB) запросил текст другой статьи, опубликованной в журнале «Medical Hypotheses» и перекликающейся со статьёй в «Биофизике».

У В.Е. Захватаева имеется значительный опыт в выполнении различных проектов и грантов. В том числе он — исполнитель в грантах Российского фонда фундаментальных исследований; руководитель гранта по конкурсу-экспертизе научных проектов молодых учёных СО РАН 2000 г.; имеет индивидуальный грант «Bridging the gap: from weak perturbation induced membrane excitations to neural network dynamics» Erasmus Mundus ERANET-Mundus project, financed by the European Commission and coordinated by University of Barcelona, grant agreement number 2011-2573/001-001-EMA2 (декабрь 2014 — май 2015); неоднократно получал индивидуальные гранты Красноярского краевого фонда науки.

МНЕНИЕ

Кстати, на заседании «Научно-го кафе» в СФУ, где Владимир Евгеньевич делал свой доклад и куда ни один его оппонент не пришёл, был задан вопрос: что же такое лженаука?

Основной итог обсуждения: лженаука — это понятие, которое меняется со временем. То, что раньше считали наукой, может сейчас не являться ею, и наоборот. На самом деле наука и лженаука — это процесс. Основным является вопрос об экспериментальной проверке или опровержении каких-то научных гипотез или тео-

рий. Если вы предлагаете эксперимент, даже мысленный, способный опровергнуть или доказать какую-то гипотезу, это должно считаться научным. При этом вы не должны противоречить фундаментальным, базовым законам.

А вот как ответил на этот вопрос профессор Р.Г. ХЛЕБОПРОС, доктор физико-математических наук, присутствующий на кафе: «Бывает, что гипотезы отвергаются. Это не значит, что они — лженаука. Более того, даже те теории, которые сейчас отвергнуты, не являются лженаукой. Многие из них остаются истинными в тех или иных границах применимости.

Разве Ньютон отменён теорией относительности? Или Дарвин отменён из-за того, что мы сейчас умеем расшифровывать ген? Напротив, если бы не результаты Дарвина, не было бы последующих открытий.

Сейчас пришло время заняться теорией малых воздействий. Каждый год в мире создаётся около 6 тысяч новых вещей, многие из них токсичны. Их воздействие накапливается — в окружающем мире, в нас, оно может сказаться на наших потомках... Но накопительный эффект как раз более-менее рассмотрен. А ненакопительный — нет. А он может быть существенным, даже, как выяснилось,

способен изменить состояние клетки. Так что эта тема очень актуальна.

Действительно, когда речь идёт о слабых воздействиях, возникает проблема понимания. Во-первых — зачем вообще исследовать? А во-вторых, механизмы действительно вынимаются и определяются трудно. Явные воздействия, например яд, определить легко, тем более от них человек может скончаться; а здесь процесс сложный — и в экспериментальном смысле, и в его толковании. Поэтому мы решили организовать в университете ряд методологических семинаров, посвящённых слабым воздействиям».

Город в поисках смысла

«Идея Красноярской агломерации была фантастикой». «Проблемой номер один в городе я бы назвал даже не транспортную, а экологическую». «Космополитов и локалистов в управленческой элите должно быть примерно поровну, а у нас последние преобладают». Эти и другие суждения о том, как, почему и куда развивается наш город, звучали на сессии «Красноярск-2030: новый стратегический вектор», состоявшейся 6 ноября в Сибирском федеральном университете.

В обсуждении приняли участие более 30 экспертов, в том числе депутаты городского совета, представители городской администрации, учёные, бизнесмены. Инициатором очередной сессии стал Центр стратегических исследований и разработок СФУ, который вот уже несколько лет ведёт работу по выстраиванию более-менее определённой и консолидированной стратегии развития города. Целью нынешнего обсуждения было определение приоритетов и задач развития. Стоит сразу сказать — интересных докладов, фактов, суждений прозвучало немало, но, разумеется, сделать вывод, что «мы движемся к глобальному городу» или «нам достаточен город, комфортный для жизни», в таком формате невозможно. И в этом смысле выдвинутое предложение — «Нужно вернуться к идее создания Института города, который позволит общественности влиять на городское развитие и приходить к консенсусу» — было вполне логичным.

А мы попросили **Валерия Сергеевича ЕФИМОВА**, директора Центра стратегических исследований и разработок СФУ, обозначить те тренды, которые должны учитывать город при выработке стратегии своего развития.

Думать про будущее

В жизни городов, как и в жизни людей, наступают периоды, когда нужно осознать свою ситуацию, определить: кто я? в чём мои цели? какое будущее для меня важно? Именно это, на мой взгляд, происходит сейчас с городом Красноярском. Становится важным понятие — какой путь прошёл город и какую перспективу он готов строить для себя? Данный вопрос важен не только для администрации города, политиков и бизнесменов, но и для жителей города. Ведь позитивная перспектива мобилизует активность общества и человека.

По роду своей работы в Сибирском федеральном университете мы занимаемся исследованиями будущего (форсайтом) — построением видения будущего для сложных социально-экономических систем (российской высшей

школы, сибирских городов, Республики Саха и др.). И в последние годы мы провели несколько исследований в отношении будущего города Красноярска. Нынешний опрос экспертов показал, что будущее города размыто, оно утратило определённую, город не может сформулировать привлекательный образ своего будущего на 10-20-30 лет вперёд.

Если ещё 7-10 лет назад мы могли говорить про «новую индустриализацию Красноярского края» и Красноярска, то сейчас эксперты оценивают ситуацию Красноярска преимущественно так: «Город движется по инерционной траектории — происходят незначительные количественные изменения» и «О динамике города нельзя сказать ничего определённого, по одним направлениям он развивается, по другим — деградирует».

Для поиска ответа на вопрос о будущем города важно понять его прошлое.

История Красноярска

Всегда можно сказать, что время непрерывно, что будущее есть лишь продолжение настоящего, но посмотрев на историю страны, города, человека, мы понимаем, что всё не так просто.

Когда-то давно Красноярск был острогом, городом-крепостью, где половина жителей были служилые люди, а вторая половина — осуждённые-каторжники. Потом Красноярск стал административным центром — столицей Енисейской губернии.

В конце XIX века город стал одним из опорных центров строящейся Транссибирской железнодорожной магистрали — в нём появилась современная промышленность. Так начался этап индустриального развития Красноярска — город пережил три волны промышленного развития. Первая волна — это строительство Транссиба и создание железнодорожных мастерских. Вторая волна — размещение в годы войны на территории города эвакуированных из европейской части страны заводов. И послевоенная индустриализация, когда Красноярск пережил мощный взлёт промышленного развития, был построен целый ряд крупных промышленных предприятий: завод синтетического каучука, цементный завод, «Сибэлектросталь», завод химического волокна, телевизионный, алюминиевый, Красноярская ГЭС и др.

В 1970-1990 гг. развивалась социальная и культурная инфраструктура города — менялось лицо Красноярска, были созданы новые значимые для его жизни объекты: аэропорт «Емельяново», Октябрьский мост, театр оперы и балета, Музейный центр на Стрелке и др.

При этом значительные изменения в развитии города происходили за сравнительно короткие периоды времени — 20-30 лет. То есть за время жизни одного поколения Красноярск преобразился существенным образом; происходил взрывной (в 1,5-2 раза) рост численности жителей города.

Неопределённое будущее

Можно сказать, что в настоящее время Красноярск находится в ситуации неопределённости будущего, в поисках смысла своего существования.

Город всегда развивался по сопряженности с процессами развития страны. В период перестройки произошёл фактический демонтаж индустриального потенциала города — было ликвидировано более 20 крупных промышленных предприятий. Альтернативой стал приход торговых сетей и строительство крупных торгово-развлекательных центров («Планета», «Июнь» и др.). Стали открываться модные рестораны и кафе, началось строительство бизнес-центров и гостиниц. Подобные этапы обсуждаются как фаза постиндустриального развития, когда доминирующей функцией города становится оказание услуг: из промышленных центров города становятся «сервисами» для жителей и гостей города.

В настоящее время существует ряд мощных трендов, которые будут определять новые перспективы и возможности развития городов в XXI веке:

- формирование глобальных рынков финансов, технологий, труда, доступ к которым является одним из ключевых факторов развития стран, регионов и городов;
- общее повышение мобильности населения, увеличение туристических и миграционных потоков, создающих как новые возможности для развития городов, так и новые социальные, экономические и культурные проблемы;
- деиндустриализация крупных городов, вывод на городскую периферию и глубокая технологическая модернизация промышленных производств; постиндустриальное освоение промышленных зон, включая формирование на их территории креативных индустрий, международных финансовых и бизнес-центров, инновационных кластеров и глобальных университетов;
- создание «умных городов» — широкое использование информационно-коммуникативных технологий, которые позволяют создать принципиально новые условия, определяющие качество жизни: эффективная транспортная логистика; снижение энергопотребления; комплексная безопасность; новое качество образовательных, социальных и медицинских услуг; улучшение экологических условий; формирование насыщенного, креативного информационного и знакосимволического пространства города;
- разработка и массовое внедрение современных строительных и инженерных технологий, появление новых материалов, которые позволяют существенно повысить качество строительства, снизить издержки на содержание городской инфраструктуры;
- переход к новым технологиям управления городским развитием (стратегическое планирование, форсайт и др.), широкое привлечение горожан к

проблемам и задачам развития города, создание институциональных систем общественного управления будущим города.

Неопределённость будущего Красноярска в значительной степени определяется неопределённостью общемировой ситуации и неоднозначностью социально-экономической ситуации в России. Что касается Красноярского края, то и здесь порыв к «новой индустриализации» и «агломерационного развития», сгенерированный в 2003-2009 гг. губернатором А.Г. ХЛОПОНИНЫМ, утрачивает свою экономическую, инвестиционную и социальную энергетику. А новых прорывных идей и оформленных предложений в отношении будущего края и города — не появляется.

Варианты будущего

В настоящее время в поле обсуждения будущего города Красноярска существует три различных и трудно согласуемых позиции.

Первое: будущее видится как усиление индустриальной функции. Красноярск ориентируется на развитие индустриального сектора экономики, строительство в окрестностях и в черте города новых заводов и фабрик, создающих новые рабочие места и увеличивающих поступления в городской бюджет.

Второе: Красноярск мыслится как «глобальный город» — «ресурсная столица Азии», центр управления и место «сервисов» для проектов освоения природных ресурсов Восточной Сибири, где размещены штаб-квартиры крупных российских и зарубежных компаний, в город перенесены часть функций федеральных министерств и ведомств (Росгеология, Минприроды и др.). Это открытый город, и «окно в большой мир» будет «прорублено» Универсиадой-2019. Красноярск будет выполнять функцию транспортно-логистического центра коридора «Европа — страны АТР», станет зоной проживания и рекреации для среднего класса.

Третье: «креативный город». Красноярск становится центром креативных индустрий, крупным научным и образовательным центром Сибири (СФУ и др.), городом с развитой инфраструктурой для жизни креативного класса, для развития инноваций и креативных индустрий.

За каждым из этих вариантов стоят определённые «группы интересов» со своими ценностями и стилями жизни, и нужно прийти к общему, компромиссному решению о желаемом будущем города. Важно понять существующие мировые и российские тенденции в развитии городов и «оседлать волну», соединив усилия по продвижению Красноярска с деятельностью руководства края.

Можно перефразировать высказывание Александра ГОРЧАКОВА, одноклассника ПУШКИНА и канцлера Российской империи, и сказать: «Красноярск сосредотачивается». И входит в ситуацию выбора будущего.

Правовое измерение профессора Дробышевского

Недавно в Красноярске по приглашению Юридического института СФУ побывал всемирно известный учёный из Франции Норбер РУЛАН. Коллеги организовали профессору экскурсию, показали сибирские достопримечательности. Возили его на Столбы, в Бобровый лог, в Дивногорск, а в конце визита спросили: как вам Красноярск, что больше всего поразило? Каково же было всеобщее удивление, когда гость ответил: «Больше всего меня поразило, что в центре Сибири, в вашем институте, есть школа юридической антропологии!».

Всё дело в том, что во всём мире не так много специалистов, занимающихся этим направлением, а в Красноярске сложилась целая школа, и возглавляет её доктор юридических наук, профессор Сергей Александрович ДРОБЫШЕВСКИЙ.

СПРАВКА

Юридическая антропология — наука о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках. Она изучает правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней.

Основоположник политической и правовой антропологии в России доктор юридических наук, профессор Дробышевский заведует в СФУ кафедрой истории государства и права. На заседаниях студенческого научного кружка, который еженедельно ведёт Сергей Александрович, часто рождаются темы будущих курсовых и дипломных работ.

Хотя посещение кружка — дело добровольное, но приходят на занятия по 20 человек и более. Студентам такие встречи помогают лучше усвоить материал и подготовиться к экзаменам, аспиранты же черпают идеи для будущих диссертаций.

Антимарксистская теория

Автор трудов по фундаментальным правовым наукам — теории и истории государства и права, истории учений о праве и государстве Дробышевский в 80-х годах прошлого века сфокусировал свой научный интерес на политической и правовой антропологии не случайно.

— В течение советской истории существовало представление, что политические и юридические явления преходящи в человеческом обществе. Такова концепция социалистического государства как отмирающего. И поэтому попытки развивать понимание о том, что право и политические явления присущи всякому человеческому обществу, встречали противодействие со стороны политической власти в СССР, — рассказывает Сергей Александрович. — Но в 80-е годы ситуация отчасти изменилась, и объективные потребности развития науки подтолкнули меня изучать возникновение права и политические явления. Всё больше погружаясь в тему, я пришёл к выводу, что политико-юри-

дические явления, включая юридические нормы, изначально существовали в человеческом обществе.

На тот момент в США и в Западной Европе уже были разработаны курсы политической и юридической антропологии. В этих курсах, во-первых, изучались юридические нормы и политические институты в догосударственных обществах, а во-вторых, делался прогноз о том, что в будущем человеческое общество не сможет жить без политической организации и юридических норм. В соответствии с такими выводами развитые страны ориентировались на то, что будет преобладать тенденция к единому мировому государству, к единой мировой системе права. Ясно, что такие выводы противоречили марксистскому учению об отмирании государства, о том, что коммунистическое общество возможно без политических и юридических явлений.

Когда я попытался опубликовать первые работы по политической и правовой антропологии в журнале «Правоведение», то мне прислали рецензии ведущих специалистов. Один из них, Олег ЖИДКОВ, заявил, что нет политических и правовых антропологов на Западе (он вообще не знал проблематики). Другой рецензент, Сергей АЛЕКСЕЕВ, заметил, что исследование интересно, но результаты нуждаются в доработке. А третий, Геннадий МАЛЬЦЕВ, заявил, что работа содержит достаточно интересных выводов, чтобы их опубликовать. Прошло время. В 1994 году я защитил диссертацию на тему «Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции». А тремя годами раньше выпустил монографию «Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции», которая была моментально раскуплена.

Мы не Робинзоны

— Сергей Александрович, а сейчас интерес к теме не ослабел?

— Исследования продолжаются. Полтора года назад я получил приглашение в Институт государства и права РФ, где защищалась диссертация по политической и юридической антропологии, и меня попросили написать отзыв на эту работу.

— Вы и сами расширяете границы предмета изучения?

— Без этого нельзя, ведь моё собственное понимание будет способствовать развитию юридической науки. Скажем, в нашей юриспруденции и в политологии присутствует представление, что государство — это часть общества. И на основе такого представления пытались формулировать юридические нормы, но в 2014 году я опубликовал в ведущем научном журнале «Государство и право» работу, в которой исходил из понимания связи государства и права как связи права и политически организованного общества. Главная идея заключалась в том, что юристам и государствоведам нужно обеспечить сохранение этого политически организованного общества, чтобы обеспечить его прогресс. А для этого нужно знать закономерности, обязательные для функционирования такого общества.

— Например?

— Люди должны работать, общаться друг с другом, а работа и

общение эффективны только в условиях мира. И отсюда вытекает основная закономерность: единые коренные долговременные интересы всех членов политически организованного общества — это важный фактор в праве. Суть простая — каждый человек живёт в обществе не как Робинзон, а пользуется продуктами труда и иной деятельности остальных людей. И чтобы такие продукты были высококачественными, нет другой возможности, кроме как обеспечить этим другим людям всё необходимое, для того чтобы они были здоровыми, образованными, хорошими специалистами своего дела, высококультурными людьми.

У человека есть несколько вариантов поведения по отношению к другим людям: вредить им, безразлично к ним относиться или способствовать их благу. Так вот — ради собственного благополучия он может выбрать только третий вариант. И указанные идеи должны воплощаться в праве. Но эти обязательные закономерности функционирования государства можно выявить, если исследовать специально ВСЁ общество. А у нас обычно предметом юриспруденции рассматривается часть общества — но в этом случае никогда не выявишь обязательных закономерностей функционирования политически организованного общества.

Обратная сторона свободы труда

— Вы также занимаетесь историей правовых учений. Ваш учебный курс ежегодно, начиная с 2007 года, переиздаётся. И здесь вы ломаете привычные стереотипы, пересматриваете нормы?..

— В этом курсе даётся возможность оценить соответствие существующих политических идей необходимости сохранять политически организованное общество и обеспечивать его прогресс. И я выдвигаю три критерия оценки политико-юридических идей. Первый — соответствие этих идей обязательным закономерностям функционирования государств (люди должны работать, взаимодействовать в условиях мира и всячески делать добро друг другу). Но есть идеи политические, которые противоречат данным представлениям, и воплощать их в праве — означает дезорганизовать государство, обрекать его на гибель или стагнацию.

Например, в некоторых странах, в том числе и там, где господствует рыночная экономика, закреплена необходимость всем людям работать. Пример — Страна восходящего солнца. Между прочим, в Японии средний уровень продолжительности жизни гораздо выше, чем в очень многих других странах. Это говорит о том, что там используют человека надлежащим образом и не заставляют его перетруждаться. Не случайно японцы долго сохраняют трудоспособность. Там пенсионный возраст — 70 лет. И после выхода на пенсию они в среднем живут ещё 15 лет... А в Конституции РФ проявлением свободы труда является возможность не трудиться, отказаться от использования права на труд. Поэтому трудоспособные люди могут жить правомерно и не работать. Едва ли это способствует самосохранению и прогрессу нашего государства, поскольку мы не используем

все силы для того, чтобы выработать материальные и духовные блага. Соответственно, общегосударственный фонд распределения сокращается.

Либо все, либо никто

Профессор Дробышевский много раз бывал за границей и опыт решения основных проблем государства и права в развитых европейских странах пытается использовать в своих работах.

— Что можно было бы России позаимствовать?

— Нужно стремиться к благу ближнего своего. Эти идеи пропагандируются и религией, но вместе с тем они пока выступают для общественной науки как нечто постороннее. Поэтому в моих работах есть идея рационального обоснования этого положения Библии и Корана. Делать благо ближнему — значит делать благо самому себе. Причём либо все мы живём хорошо, либо никто.

К сожалению, в нашем государстве некоторые люди находятся на грани бедности. Не случайно 20 лет, начиная с середины 90-х годов, население вымирало. У нас, может быть, единственное государство в мире, которое имеет шкалу налогообложения, где единый налог на всех одинаковый: и самые бедные платят 13%, и самые богатые. Во всех развитых странах богатые платят больше. Идеология государства всеобщего благосостояния — либеральная модель, характерная, скажем, для ФРГ и США: нельзя допустить, чтобы какая-то категория людей существовала в материальном отношении так, чтобы невозможно было выжить.

Идеал в праве

На заседаниях студенческого кружка под руководством Дробышевского обсуждаются самые разные темы: достоинство человека в Законах царя Хаммурапи и правовые проблемы беженцев, смертная казнь в современных государствах и правовой аспект организации Всемирной Универсиады-2019 в Красноярске.

— Сейчас один из моих аспирантов завершает работу, посвящённую идеалу в праве, — продолжает профессор. — Напрашивается вывод: лучшая жизнь людей возможна только в мировом государстве. Лишь в общечеловеческом объединении может быть искоренена такая пагуба для человечества, как война. Только путём объединения людей в мировое государство можно это устранить и создать гарантии для того, чтобы заложённые в человека природой возможности полностью реализовались в течение жизни.

Пока что среди современных государств идёт соревнование — на основе какой модели будет складываться это мировое государство. Я считаю, что соревнование приведёт к тому, что мировое государство будет складываться на модели необходимости труда для всех, общения со всеми, в том числе и с теми, кто может непосредственно принести вред. Я исхожу из точки зрения стоиков: если не делать любого человека лучше, то этот человек навредит и тебе, и другим. Поэтому нужно общаться со всеми людьми, стараться делать их лучше.

— Сергей Александрович, у вас много статей, написанных в соав-

торстве со студентами. Меня как филолога интригует название одной из них: «Использование в правоведении иллюстраций из художественной литературы».

— Бывают такие иллюстрации, которые ярко показывают студентам, что нужно делать для совершенствования государства, а что нет. Возьмём пьесу ЧЕХОВА «Дядя Ваня». Кто не знает изречения «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли»? Это говорит доктор Астров, друг дяди Вани, о жене профессора Серебрякова, Елене Андреевне. И тут же добавляет: «Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У неё нет никаких обязанностей, на неё работают другие. Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистой».

— Фраза-то известная, только её чаще употребляют в положительном контексте, когда хотят направить человека на путь истинный, призывают обратить на себя внимание, сделаться лучше. Или у юристов другой подход?

— Суждение Чехова следует учесть в праве. Этот идеал не является подлинным.

При правовом регулировании нужно избегать формулирования юридических норм, которые позволяют трудоспособным людям вести образ жизни Елены Андреевны. Человека нельзя назвать достойным, если он может работать, но бездельничает. Если так будут делать все члены общества, они просто не смогут удовлетворять свои нужды и погибнут. Получается, что обязательный труд людей — это непременная закономерность функционирования политически организованного общества. Она должна быть закреплена в праве. И можно только сожалеть, что в отечественном праве пока этого нет.

В помощь судьям

— В 2014 году мы вместе с моим учеником и коллегой Евгением ТИХОНРАВОВЫМ опубликовали работу, которая будет способствовать усовершенствованию работы судей, — делится Дробышевский. — Мы обратили внимание на ряд практических недостатков, существующих в способах восполнения пробелов в праве, и предложили ряд новых методов. Скажем, восполняются пробелы в праве путём использования аналогии права и аналогии закона. Мы анализировали решения Красноярского краевого суда и других судов России. Аналогия права предполагает ссылку на общие принципы права, а аналогия закона — ссылку на конкретную юридическую норму, которая непосредственно реализуется на практике. Весьма часто отечественные и зарубежные судьи ссылаются в обоснование сформулированного ими решения и на общие принципы права, и на конкретную юридическую норму. Но это некорректно. Общие принципы права потому и ОБЩИЕ, что они воплощены во всех юридических нормах, в том числе в самых конкретных. И поэтому для обоснования юридического решения достаточно ссылки на конкретную юридическую норму, а судьи зачастую лишнюю работу делают.

«Мёртвые» нормы

— Вы читаете литературу на иностранных языках, каковы современные направления и тенденции в праве?

— Одной из таких тенденций является отход от полноты индивидуальной ответственности. Довольно длительное время в юриспруденции реализовывался такой принцип: если человек причинил вред другому человеку — надо вред полностью возместить. Это была ещё аристотелев-

ская концепция справедливости, и не случайно, что от неё сейчас отходят. В западных странах ограничивается ответственность за причинённый вред и ответственность по договорам. Теперь рассматривают общество как предприятие, где риск распределяется на всех участников. Если в случае неудачи при выполнении каких-то дел другой стороной договора человек понёс расходы, считается, что он тоже рисковал, когда шёл на этот договор. В итоге понесённые расходы ему возмещаются не полностью. Причём подчас это способствует обеспечению самосохранения и прогресса политически организованного общества.

Правовая норма действует только тогда, когда ей добровольно подчиняется большинство людей. Однако многие нормы остаются «мёртвыми». Государство их формулирует, а они не реализуются. Пример из жизни: несмотря на то, что у нас запрещено курение в общественных местах, в моём доме невозможно выйти из квартиры и сесть в лифт, не надыхавшись табачным дымом! Норма не действует. Или возьмите норму местного самоуправления о содержании в городе домашних животных. Братьев наших меньших нельзя водить без поводка, а что имеем реально? Между прочим, в США эта норма работает, так же как и закон о тишине. Например, в Чикаго на стройке я заметил объявление о том, что работают они с 8 утра и до 20 часов вечера (выходные — суббота и воскресенье). А рядом с моим домом в Красноярске до 23 часов ночи забивают сваи. Или ночью прямо под окнами начинают ремонтировать дорогу, долбить асфальт.

Моя аспирантка Светлана ОРЛОВА пишет сейчас диссертацию о «мёртвых» юридических нормах. Их довольно много, и это страшно интересная тема! Есть случаи, когда суверенная власть сознательно идёт на формулирование правила, зная, что

оно не может быть реализовано. Во время Великой Отечественной войны в ноябре 1941 года было ясно, что миллионы советских солдат сдались в плен, но появилось постановление ГКО о том, что не только солдаты, красноармейцы и офицеры, сдавшиеся в плен, будут потом наказаны, но и членов их семей отправят в специальные лагеря. И это в то время, когда сын самого СТАЛИНА сдался в плен! Зачем эта норма была введена? Для того чтобы люди всё-таки не сдавались. Проверить, что у немцев уже миллионы пленных, боец не мог, но вместе с тем такая норма ориентировала его на то, что если он сдастся, пострадают и его близкие. Ясно, что государство не могло наказывать родственников военнопленного, и члены государственного комитета обороны давали себе в этом отчёт, но тем не менее они пошли на такой шаг. Юридическая норма должна способствовать самосохранению государства, а тогда это самосохранение требовало принятия такой нормы.

— Но ведь наказывали и в ссылку в Сибирь отправляли некоторых...

— Написано было ВСЕХ, но миллионы людей ведь не наказали. Эта норма не могла быть реализована.

Любая «мёртвая» норма дискредитирует издавшую её власть, ибо выступает примером некачественного руководства людьми. Когда власть издаёт умышленные мёртвые нормы, она, как правило, идёт на негативные для себя последствия, чтобы не допустить причинения себе ещё большего вреда. Однако бывают и другие ситуации, когда умышленное создание «мёртвой» нормы приносит власти больший вред, чем её отсутствие. Например, американский правовед Лон ФУЛЛЕР в своей работе «Мораль права» по этому поводу пишет, что суверенная власть может принять юридическую норму в угоду какой-то группе давления. Но есть другая группа давления, которая противится этой норме. Чтобы угодить обеим группам, власть принимает норму, но не проводит её в жизнь и... дискредитирует сама себя. В итоге обе группы от неё отворачиваются.

Немало неумышленных «мёртвых» норм создаётся в результате ошибок. Вот совсем свежие примеры. Сейчас действует юридическая норма о том, что каждому незаконно осуждённому или незаконно привлечённому к уголовной ответственности государство должно полностью возместить вред, но на практике этого не происходит, потому что нет такой материальной возможности. Или возьмите часть 1 (пункт «д») статьи 88 УК РФ 2003 г., предусматривающую наказание в виде ареста. Содержащаяся здесь норма также является «мёртвой» — у нашего государства пока нет средств на содержание арестных домов.

Профессор Дробышевский убеждён: чтобы квалифицированно осуществлять правотворчество, нужно, кроме верного формулирования юридических норм, не только обязательно довести их до сведения людей, но и убедить их добровольно подчиняться. Вот почему издавать юридическую норму допустимо лишь тогда, когда ясно, что большинство адресатов этого правила будут ему добровольно подчиняться.

Вероника АНДРЕЕВА

История в жанре трагедии

В нашем национальном календаре есть особенная дата — 30 октября, День памяти жертв политических репрессий. Но даже перешагнув из тяжёлого XX века в век XXI-й, мы, кажется, ещё не научились говорить о страшных событиях прошлого: репрессиях, войнах, ссылках. Однако попытки завести разговор о травматичном коллективном опыте XX века случаются всё чаще. Так, на минувшей Красноярской ярмарке книжной культуры состоялся круглый стол «Мёртвые зоны. Текст как память об абсолютном зле», который, по словам куратора Ксении ГОЛУБОВИЧ, стал одним из самых непростых.

Историки, писатели пытались ответить на несколько базовых вопросов. Как текст позволяет сохранить память о том, о чём слишком травматично помнить? Как подойти к текстам-свидетельствам, которые оставили те, кто был «там» и вернулся, чтобы рассказать? Как работать с коллективной травмой, запечатлённой в воспоминаниях других? И самое сложное — как эти свидетельства должны влиять на нашу собственную точку отсчёта сегодня?

Ксения ГОЛУБОВИЧ: Когда до нас доносится опыт свидетелей событий XX века, очень часто — и мы знаем это на примере нашей страны — люди не хотят его слышать, не хотят делать чужой опыт частью собственной памяти. Варлам ШАЛАМОВ, вышедший из лагерей, сталкивался с желанием забыть то, что он пережил.

Более того, даже человек, у которого не было Воркуты, не было Колымы, но был свой травматический опыт, пытается заблокировать его, не говорить о нём. В обществе и в деятельности людей должны быть механизмы, которые будут сохранять память о XX веке и делать её нашей. Только таким образом мы можем выйти из травмы, потому что то, о чём мы не помним, возвращается. Поэтому я рада, что многие гости круглого стола делают проекты, связанные с личной памятью и с устной историей, что работа каждого из гостей связана с настойчивостью памяти.

Сергей СОЛОВЬЁВ: Я начну с цитаты Шаламова, у которого есть эссе, вошедшее в его воспоминания о Колыме. Она, как мне кажется, может отчасти служить эпиграфом сегодняшнего разговора.

«Несовершенство инструмента, называемого памятью, тревожит меня. Много мелочей характернейших неизбежно забыто — писать приходится через 20 лет. Утрачено почти бесследно слишком многое — и в пейзаже, и в интерьере, и, самое главное, в последовательности ощущений. Самый тон изложения не может быть таким, каким должен быть. Человек лучше запоминает хорошее,

доброе и легче забывает злое. Воспоминания злые — гнетут, и искусство жить, если таковое имеется, — по существу есть искусство забывать».

Заканчивается эссе размышлениями о том, как писать о неизбежно забываемом: «Как вывести закон распада? Закон сопротивления распаду? Как рассказать о том, что только религиозники были сравнительно стойкой группой? Что партийцы и люди интеллигентных профессий разлагались раньше других? В чём был закон? В физической ли крепости? В присутствии ли какой-либо идеи? Кто гибнет раньше? Виноватые или невиноватые? Почему в глазах простого народа интеллигенты лагерей не были мучениками идеи? О том, что человек человеку — волк и когда это бывает. У какой последней черты теряется человеческое? Как о всём этом рассказать?»

С моей точки зрения, Шаламов в своей колымской прозе эту задачу решил. Он выработал некую форму, выработал язык, с помощью которого человеку, не имеющему возможности представить нечеловеческое состояние, можно дать почувствовать это состояние. Причём таким образом, что метод этого воздействия человек не заметит. Но мне также кажется важным в начале разговора определиться с тем, что мы подразумеваем под абсолютным злом и что под мёртвой зоной? Это место, которое нельзя описать? Но ведь мы знаем воспоминания и об Освенциме, и о Колыме. Человек, как показывал Шаламов, может выживать в тех условиях, в которых животные выживать не в состоянии.

Если говорить об абсолютном зле, то мне кажется, что это сознательное создание такой ситуации, в которой человек неминуемо теряет человеческое и в случае выживания превращается в животное. Шаламов цитировал блатной закон: «Уми ты сегодня, а я завтра». Из человека вытраивается человеческое. И проблема здесь как раз заключается в том, что мы можем не хотеть помнить об этом, но общество, которое пережило этот опыт, забыть об этом не в состоянии. Меня к этой теме подтолкнул простой факт: неожиданно в своём собственном институте в конце 90-х годов в поведении некоторых однокурсников (которые мало что знали о репрессиях, хоть это и был истфак) увидел определённые поведенческие установки, очень здорово напоминающие о периоде репрессий. Это ситуация, когда мёртвый хватается живого.

И вот мы живём в обществе, которое может сколько угодно хотеть забыть политические репрессии, но это невозможно. Мне кажется, что когда мы говорим о мёртвой зоне и о прошлом, не нужно забывать, что это не совсем прошлое. Опыт репрессий, уничтожений находится рядом, мы знаем про геноциды конца XX века и начала XXI-го, это раз. А во-вторых, здесь на ярмарке представлены фотографии Эмиля ГАТАУЛИНА, которые он сделал во время нашей совместной экспедиции на Колыму. Они показывают, что нынешняя Колыма очень может быть охарактеризована вот этими понятиями. И, таким образом, опять эта ситуация находится рядом с нами, хотя нам очень не хотелось бы это признавать.

Дмитрий СПОРОВ: Мне, конечно, проще говорить о памяти, которая объединяет и устный текст, и письменный, поскольку я работаю с устными воспоминаниями, и записываем мы самых разных людей, не только узников лагерей или прошедших тяжёлые будни фронта. Один мой коллега, вернувшись после очередной своей беседы, сказал: ты знаешь, история каждой семьи — это история чуда. Потому что если бы не было чуда, человека, который мне сейчас давал интервью, не было бы. И вот в истории каждой семьи в нашей стране

есть столкновение с национальной трагедией, катастрофой, которые являются частью личной трагедии, семейной катастрофы. Чудо, что мы все существуем и живы.

Мы должны абсолютно точно понимать эту катастрофу и принимать её для себя. А у нас нет ни дат, ничего, что с этим связано. Вот 30 октября был день памяти жертв политических репрессий. И это, кстати, разговор о том, что репрессии у нас отделены от общей памяти о советском времени. Почему мы разделяем их, почему не говорим о том, что у нас был советский опыт? Опыт, который можно назвать травматическим для всех. Понятно, что у всех семей было по-разному, но тем не менее. Объединить, понять, осознать и идти дальше. Это задача наша, историков.

Елена ЯКОВИЧ: Моя героиня Марина Густавовна ШТОРХ, дочь философа ШПЕТА, которой в этом мае должно исполниться 100 лет, является хранилищем памяти, узелком, который нас связывает с прошлыми временами. Так вот в этом году ей стало плохо, и когда она в очередной раз принялась умирать (как бывает время от времени), она сказала своей дочери: знаешь, мне больше не страшно уйти, потому что я сделала главное — я сумела рассказать о своём отце и о своей матери. Он имел в виду сериал «Дочь философа Шпета» и книгу. Марина Густавовна как бы старалась подсознательно дожить до того времени, когда она сможет как носитель памяти рассказать о родителях и XX веке.

Что такое абсолютное зло? Если посмотреть на жизнь Марины Густавовны, то её жизнь переломилась на две неровные части, когда ей было 22 года. В этот момент её отец как бы исчез с радаров (до этого она хотя бы сидела в ссылке, семья не знала, что с ним). Можно ли считать абсолютным злом ситуацию, когда учёного, человека с мировым именем, отказавшегося плыть на философском пароходе и сделавшего всё, чтобы не покидать страну, отправляют в Енисейск и лишают возможности работать? Строго говоря, в этой ситуации абсолютным злом является момент, когда в 37-м году Шпет исчез, послав близким телеграмму «вышлите шапку» (это была условная телеграмма о том, что его повторно арестовали). И дальше он ввергается в тот ужас нахождения сначала в тюрьме в Томске, а потом в тюрьме, откуда их увезли утром к оврагу Каштак, поставили на колени и расстреляли в затылок вместе с другими.

Когда мы разговаривали с БРОДСКИМ, он сказал, что русского человека раздели догола и выставили на абсолютный экзистенциальный холод, что понятие абсолютного зла сдвинулось к пределу. Вся жизнь Шпета была шажками к этому абсолютному злу, от которого содрогается сердце.

Карл ШЛЕГЕЛЬ: Для меня самое важное — это голос и высказывания людей, которые имеют непосредственную связь с тем, что произошло в XX веке. Важны не только исторические тексты, но и устные истории — семейная традиция рассказов о том, что произошло.

После войны наш философ Теодор АДОРНО, который вернулся в Германию из эмиграции в Америку, сказал: «Писать стихи после Освенцима — это варварство». По-моему, он выразил общий шок и осознание того, что произошло в Европе. Но, несмотря на высказывание Адорно, после войны были не только стихотворения, были чудесные шедевры литературы, которые рассказывали о том, что произошло в лагерях смерти и на территориях, оккупированных немцами. Это значит, что действительно существуют тексты — романы, повести, которые могут передать то, что

действующие лица

← **Ксения ГОЛУБОВИЧ**, писатель, сокуратор культурной программы Красноярской ярмарки книжной культуры, модератор круглого стола

→ **Сергей СОЛОВЬЁВ**, историк, главный редактор журнала «Скеписис», руководитель проекта shalamov.ru

← **Дмитрий СПОРОВ**, историк, учредитель и президент Фонда «Устная история», заведующий отделом устной истории Научной библиотеки МГУ

→ **Елена ЯКОВИЧ**, автор и режиссёр документального сериала «Дочь философа Шпета»

← **Карл ШЛЕГЕЛЬ**, историк, специалист по русской культуре XX века, автор более десятка книг о России, среди которых книга «Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)»

→ **Павел ПОЛЯН**, российский географ, историк, литературовед, автор книги об Освенциме «Свитки из пепла»

← **Наталья ГАЛЕТКИНА**, историк

произошло, следующим поколениям, они имеют огромное значение. Литература даёт нам какое-то представление о том, что произошло, но по-человечески нам, выросшим после катастрофы, этот опыт недоступен.

В Германии долго не говорили о том ужасе и преступлениях. 20 лет мы, моё поколение, не могли разговаривать об этом с нашими родителями, которые хотели одного — молчать. Трагедия требует времени. Кажется, в России было по-другому, но я не могу сказать точно. Опыт Германии и России разный, и задача — найти свой язык для рассказа историй.

Павел ПОЛЯН: Хочу оттолкнуться от того, что говорил Карл. То время, когда в Германии отцы не говорили, а дети не знали (но требовали правды) о Второй мировой, это тоже некая мёртвая зона, в которой память людей каким-то образом квасилась, бродила. Не знаю, можно ли провести аналогии с Советским Союзом, но могу сказать, что, например, внутри еврейского социума такой проблемы не было. «Чёрная книга» начала собираться уже в 1943 году (другое дело, что вышла она позже). То есть у людей было ощущение, что свидетельства и документы нужно собирать независимо от их издательской судьбы, читательского доступа к текстам. Это есть некое отсутствие «мёртвой зоны».

Я соприкоснулся с самыми центральными документами Холокоста, свидетельствами членов еврейской зондеркоманды, которых немцы заставляли ассистировать себе на главной «фабрике смерти» в лагере Аушвиц-Биркенау, заставляли, в частности, сжигать и утилизировать трупы. И эти люди были готовы в любую секунду променять свою личную жизнь на возможность высказаться, что они и сделали. Часть документов до нас дошла, в том числе послания Залмана ГРАДОВСКОГО. И это не только свидетельство о семейном горе, о том, что происходило в газовых камерах и крематориях. Градовский постарался написать ещё один текст в духе пророка Иезекииля, если хотите, некоторое такое поэтическое обобщение, осмысление того, что он прожил. Это поразительно.

Фраза Адорно про то, что после Аушвица больше нет места поэзии — это, конечно, красивая фраза. Но это и призыв, как мне кажется: чтобы писать о таких сложных вещах, нужно перешагнуть ещё несколько барьеров, а без этого не нужно браться. Хочу сказать, что непосредственные воспоминания свидетелей тех ужасных событий (здесь можно назвать и Шаламова) — это документы первого ряда. Устная история или дневник, найденный в кармане военнопленного, — это не одно и то же. Не надо забывать: есть линейка значимости тех документов, текстов, о которых мы говорим.

Ещё я бы напомнил о чисто мемуарном жанре, о том, что есть разница между, например, воспоминаниями военнопленных 1950-60-х годов, которые написаны по горячим следам, и воспоминаниями 90-х годов, когда уже можно говорить о прошлом. У этих текстов очень разные критерии достоверности. А этажом ниже в линейке стоят те свидетельства, которые мы общими усилиями собираем, и хорошо, что есть такие проекты, как «Устная история».

Наталья ГАЛЕТКИНА: Я бы хотела высказаться о тезисе, который обозначен в аннотации круглого стола как не обсуждаемый: «Если одним из базовых опытов национальной идентичности считаются события Второй мировой войны, то не менее базовым её опытом могут быть события многолетних репрессий». Если мы говорим о сегодняшней российской национальной идентичности, то я очень сомневаюсь в том, что именно память

Мемориал «Маска скорби», автор Эрнст Неизвестный

о политических репрессиях советского времени является базовым элементом. Безусловно, она входит в наш опыт, но в какой степени она является действенной, активной его составляющей? Мы можем дискутировать, что считать национальной идентичностью, каковы границы общности, которую мы называем нацией, но, по-моему, её основой во многом является коллективная память, которая является социально разделяемыми представлениями о прошлом.

Павел Полян сказал о Холокосте как об абсолютном зле, которое не подвергается сомнению (и во многих странах сомнения в его существовании — это уголовно наказуемое деяние). Но в нашей стране абсолютность зла политических репрессий — это вполне обсуждаемое понятие. Достаточно вспомнить недавний случай вокруг музея политических репрессий «Пермь-36», где люди столкнулись в вопросах о том, насколько масштабны репрессии и стоит ли нам помнить и взваливать на себя эту коллективную вину?

В 2001-2002 годах я записывала воспоминания репрессированных в Магадане. Я согласна с Карлом: сталкиваясь с чужим опытом, мы не можем полностью понять, что пережили люди. Но тем не менее через интервью, воспоминания мы в какой-то степени можем к нему прикоснуться. И здесь главное, чтобы у человека был доступ к текстам. В Магадане для меня одним из шоковых моментов было осознание того, что многие там до сих пор боятся. Некоторые взрослые люди о том, что их родители были в лагере, узнавали лишь после того, как хоронили родителей. Получается, что родители не то что бы не могли найти слова для выражения своего опыта, они просто боялись: «Мало ли что ещё будет? Лучше молчать». И это не 1960-е годы, это «нулевые». Одна из моих собеседниц, которая уезжала из Магадана в Москву, согласилась показать нам места массовых захоронений. Она показывала маленькие холмики — детские могилы, холмики побольше — могилы коллективные. В этом месте не стоит памятных знаков, нет ничего. Более того: на эти земли претендовало кооперативное товарищество, которое собиралось строить там коттеджи...

Другой эпизод. В Магадане есть «Маска скорби» — впечатляющий памятник жертвам политических репрессий Эрнста НЕИЗВЕСТНОГО. Я спрашивала каждого проходящего там человека, что

это за памятник? Не многие мне могли ответить, «что-то по поводу войны». Более того, эта сопка для местных жителей становится местом пикника, радости, отдыха, потому что оттуда прекрасный вид на бухту.

Круглый стол задаёт вопрос: как нам работать с текстами о «мёртвых зонах»? Я считаю, что прежде всего эти тексты, чтобы с ними работать, должны быть в массовом доступе, должны присутствовать в культурном пространстве нашей российской реальности. Но, к сожалению, я не вижу сегодня свидетельств того, что такие тексты читаются в широком масштабе, обсуждаются хотя бы на том уровне, на каком обсуждались тексты СОЛЖЕНИЦЫНА и Шаламова в конце 1980-х.

Сергей СОЛОВЬЁВ: Я был в экспедиции по шаламовским местам в Магаданской области в августе минувшего года и в апреле этого года и не могу согласиться с Натальей. Такой погружённости людей в память о прошлом края я не встречал в России нигде, хотя много где бывал. Мы взяли около четырёх десятков интервью о прошлом и настоящем Магаданской области у тех, для кого память о месте лично значима, и у тех, для кого она периферийна. Но имя Шаламова там все знают, читают. Когда мы ехали на грузовике, нас вёз обычный колымский

мужик, который, когда выяснил, что мы едем по шаламовским местам, цитировал «Последний бой майора Пугачёва» почти наизусть. Там же местная интеллигенция протестовала против сноса моста, который строили заключённые.

Мне кажется, что широта обобщений может несколько исказить сложность картины. Сложность в чём? Травма 90-х годов затмевает у огромного количества наших сограждан травму сталинских репрессий, это факт. С этим фактом нужно работать, а не обличать население, что, мол, народ не тот, он что-то недопонимает, не способен вину пережить и так далее. А очень часто с такой интонацией приходится сталкиваться.

У одного из самых интересных людей, которого мы встретили на Колыме (он умер в июле этого года) и который собирал с мест лагерей артефакты, собирал воспоминания, на холодильник висел портрет СТАЛИНА. И это не повод для осуждения человека, это повод для очень серьёзного разговора и анализа.

У АХМАТОВОЙ есть слова: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». В случае сталинских репрессий это было так, а в 90-е это было не так. С моей точки зрения, вина советских и постсоветских интеллектуалов отчасти в том, что эта память о репрессиях не актуализирована.

Дмитрий СПОРОВ: С одной стороны, любой человек стремится к жизни спокойной, красивой, не хочет помнить страшного, и это естественное свойство каждого. Поэтому считать нормальным и требовать от каждого человека постоянной памяти о травме, о трагедии не нужно.

С другой стороны, в нашей стране ситуация такая, что нет смысла говорить о травматичной памяти, можно говорить просто о памяти. Наша память такова, что достаточно в любую сторону пойти, что-то послушать и почитать, и твоё восприятие прошлого, твоё восприятие страны будет меняться, и это и есть тот посыл, который должен нас объединять.

Мы должны провоцировать интерес к памяти, чтобы мы не забывали свою личную историю, семейную историю, историю государства, чтобы мы к ней обращались. Значит, должны быть какие-то массовые формы: научно-популярные книги, фильмы, устные истории, всё что угодно. Вот этим мы можем как-то ответить на вызов времени.

Записала Анна ГРУЗДЕВА

Фотографии с КРЯКК Антона ПЕТРОВА

Модератор о методе

Ксения Голубович:

— Мне кажется, что круглый стол — это не дискуссионная панель, потому что если люди впадают в дискуссию, начинают между собой спорить, то нужно дать им проговорить своё мнение полностью — сделать круглый стол на двоих. На книжной ярмарке я старалась простроить круглые столы как театр, который играет на месте актёрами, которые даже не знают, какие роли им написаны.

Самый трудный круглый стол был, конечно, по «Мёртвым зонам». Мне важно было представить именно тему. Когда участники выходили после круглого стола, у них не было ощущения, что они хоть что-то сказали (единственный человек, который понял, что я делаю, это была Елена ЯКОВИЧ, но она художник, она по-другому слышит). Потому что эти люди не привыкли быть актёрами и не привыкли, что даже одна реплика, одна фраза работает как ружьё. Они привыкли, что они сидят и беседуют.

В чём разница между актёром и гуманитарием? Гуманитарий должен поразить высказыванием, авторство слов должно быть приписано ему. Поэтому у гуманитария всегда проблема с аудиторией. Актёру авторство высказывания не принадлежит, то, что он сказал — это реплика. А высказывание принадлежит даже не драматургу, а пьесе, которая высказывается, работает на целое.

Искусство модератора — это искусство дирижёра. Ты чувствуешь, что один сказал очень жёстко, а вот сидит человек, который конкретно не ответит на то, что говорили перед ним, но даст другую краску, и аудитория увидит другой поворот в пьесе. У меня есть идея, что всякая тема находится между двумя полюсами, которые нужно видеть. Всегда будет одна позиция и позиция, диаметрально ей противоположная. И если их вместе вывернуть, будет третья.

О дороге — в стихах и прозе

Про российские дороги молчат только те, кто их не видел.

«В России нет дорог, есть только направления», — сказал 200 лет назад НАПОЛЕОН. «В России две беды: дураки и дороги» — эту фразу приписывают то ГОГОЛЮ, то САЛТЫКОВУ-ЩЕДРИНУ.

Даже если какая беда пришла, то доехать в середине марта от села одного до другого села — ни рессор не хватает, ни мата!..

Это уже Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ и вторая половина двадцатого века, а картина всё та же...

Неужели бездорожье — наш «национальный стандарт», или это следствие неодолимых причин? За ответом я отправился к заведующему кафедрой автомобильных дорог и городских сооружений Инженерно-строительного института СФУ Вадиму СЕРВАТИНСКОМУ. Кстати, именно Вадим Вячеславович напомнил мне процитированное выше «Нелирическое отступление» из поэмы Роберта Рождественского «210 шагов», правда, следующую фразу из него:

Понимаю, что очень огромна страна, допускаю, что мы — не боги. Знаю: в слове «до-ро-га» звенит цена, — дорогие нынче дороги!..

— Дороги — это действительно очень дорого, — подтверждает В.В. Серватинский, — поэтому не всегда проектировщики обращают внимание на стандарты. Стандарт — это минимум, заложенный в наших нормах. Хуже быть не должно, лучше — пожалуй ста! Но лучше — значит дороже, и вот это «дороже» — технико-экономическая задача: насколько мы готовы вложиться.

Когда жители города, края и в целом России говорят о дорогах плохо, ругают их, иногда заслуженно, они не очень представляют, что такое дорога на самом деле. Это очень сложный комплекс инженерных сооружений, который предназначен для пропуска нагрузок с расчётными скоростями и определённым уровнем комфорта.

А у нас в крае сложный резко континентальный климат. Поэтому, чтобы продлить жизнь дороге, чтобы она работала безотказно, чтобы был комфорт проезда и т.д., нужно принимать совершенно уникальные решения. Мало того, автопром и изменение структуры перевозок обрушили на дороги катастрофическую нагрузку. Сейчас автопоездами массой 40-60 тонн уже никого не удивишь, а это вообще-то грузоподъёмность железнодорожного вагона. На такие нагрузки никакие дороги в стране рассчитаны не были. При проектировании и строительстве ориентировались на КамАЗы и МАЗы с осевой нагрузкой не более 10 тонн, а сейчас пошли тяжеловесы, у которых на ось 14-18 тонн!

— Неужели стандарты остались на уровне осевых нагрузок времён СССР?

— Подвижки, конечно, есть. Расчётная нагрузка на ось у нас теперь 11,5 тонн... Но стандарты меняются очень медленно, в отличие от реалий. Был СНиП 1966 года, через 6 лет новый переиздали. Следующий СНиП 1985 года вышел уже через 13 лет. А после него только в 2014 произошло изменение стандарта! Теперь ввели СП — Свод правил. Это сборники, которые по большому счёту уже не являются стандартами, жёсткими

нормами, по которым прежде велось проектирование и строительство.

— Но «нижнюю планку» качества проектирования и строительства они держат?

— Пока держат. Когда читаешь эти нормы, видишь, что процентов на 70 они переписаны из старых стандартов. Наука давным-давно наработала очень много интересного, теперь это нужно применять в реальной жизни, идёт рост числа новых технологий, новых материалов. Поэтому в стране пошли по пути отказа от ГОСТов, хотя ГОСТы на основополагающие направления есть. А вот СНиПы, ВСН (временные ведомственные строительные нормы), отраслевые дорожные нормативы — от них потихоньку начинают отходить, потому что их очень много. Да, каждый материал необходимо стандартизировать, но тогда стандарты нужно оперативно менять либо разрабатывать нормы, которые были бы гибкими, работали и подстраивались под развитие науки и технологии.

— Возьмём ситуацию, когда подрядчик выполнил объём работ. При его сдаче существуют чёткие стандарты? Я почему спрашиваю: в выпусках новостей нам регулярно рассказывают, что краевые или муниципальные власти приняли тот или иной объект, всё сделано точно, как и должно быть. А через некоторое время нам показывают, что там пошли трещины, образовались ямы, и тогда возникают вопросы: как принимали и что принимали?

— Сибирь — это резко континентальный климат. Посмотрите Краснодарский край или Абхазию — в 70-х годах построили дороги, и до сих пор ни одной трещины! И не потому, что там какие-то умельцы невероятные, там тоже бывают обломаны кромки, сужения — разрушение всё-таки идёт. Но там нет температурного перехода через 0°! Давайте определимся: у нас неблагоприятный климат, и с этим климатом надо бороться. Для этого нужны новые технологические решения либо большие затраты. Когда ругают наши дороги и сравнивают их с какими-то зарубежными... Давайте сравнивать то, что можно сравнивать друг с другом корректно.

— Например, Финляндию или Канаду.

— Согласен. А есть ещё США и Аляска, где одна-две дороги штата хорошие, а в общей массе дороги вовсе не так хороши, как их представляют. У нас в крае две федеральные трассы — М-53 «Байкал» и М-54 «Енисей», и не так уж они плохи! Лет 20 назад

поездка в Канск была трудным путешествием на целый день, а сейчас на более-менее приличном автомобиле это 3-3,5 часа езды.

— В начале 80-х на федеральной М-54 даже асфальт не везде был — местами шла гравийка...

— А это пыль, это камни из-под колёс... Сейчас до Абакана мы доезжаем за 4,5 часа, не очень утомляясь. Если же говорить о дорогах в Финляндии... Давайте сравним её площадь — и площадь хотя бы центральной части Красноярского края: легче насытить дорогами такую страну или наш край? Когда плотность населения достаточно велика, эти дороги востребованы, от них идёт отдача. А зачем строить капитальную дорогу, вкладывать в неё большие деньги, если интенсивность движения по ней будет полтора трактора в сутки?

— Существуют какие-то критерии проектирования дорожной сети, исходя из плотности и количества населения на территории? Чтобы дороги строили (или не строили) не только потому, что региону дали (или не дали) на это денег, а потому, что для такого количества проживающих людей и такой хозяйственной деятельности должна быть такая дорожная сеть.

— Классификация ведётся в зависимости от интенсивности движения. Есть соответствующие категории, геометрические размеры, виды покрытий и стоимостные показатели. Поэтому, если дорога с очень малой интенсивностью движения, и там в основном сельскохозяйственное производство или вообще производство какое-то закрытое, то она нужна только для связи с центральной сетью автомобильных дорог. Значит, там нет необходимости многополосной автострады, такие затраты себя не оправдают.

В этом месте я прерву наш диалог, поскольку Вадим Вячеславович вывел его на очевидное противоречие: строить хорошие дороги там, где мало ездят, экономически не оправдано, но там, где нет хороших дорог, не будут и много ездить, и это очевидный тормоз в экономическом развитии территории! Если бы американцы в 20-30-х годах XX века руководствовались нашими нынешними нормативами проектирования, в США никогда не создали бы свою сеть автострад и качественных местных дорог, а доехать из Нью-Йорка в Канзас или Оклахому сегодня было бы не проще, чем из Москвы в Туву или Бурятию.

— Кроме экономических параметров существует и критерий безопасности. Нынешний год «преподнёс» нам целый ряд тяжелейших аварий с гибелью людей. В социальных сетях постоянно всплывает такое мнение: «Пока на автодорогах не будет хотя бы по две полосы в каждую сторону, водители так и будут при обгонах выходить «на встречку», и количество аварий не уменьшится!». И ведь в большинстве случаев речь идёт о ФЕДЕРАЛЬНЫХ трассах! Неужели требования к ним не предусматривают большую, чем для рядовых дорог, ширину?

— Это как раз классификация дорог, где главным параметром является интенсивность движения. Если интенсивность близка к пропускной способности, дорога не справляется, значит, её необходимо реконструировать и увеличивать количество полос.

Но тут «палка о двух концах». Люди должны понимать: чем лучше дорога, тем она опаснее! Если мы движемся по городу со скоростью 60 км/ч, то за 1 секунду (расчётное время реакции водителя) автомобиль проезжает 16,6 метра. Т.е. пока он осознал, что произошло и начал реагировать, он уже проехал больше 16 метров! А если мы говорим о загородных трассах, где скоростные режимы намного выше? Да, когда дорога становится лучше, количество ДТП в массе уменьшается, но тяжесть их резко возрастает!

— Недавний пример — авария на улице Дубровинского, в результате которой разбито 8 машин и погиб ребёнок. Дорогу расчирили, положили новое покрытие, и водители понеслись там, где раньше осторожно объезжали ямы и трещины...

— Когда построили МКАД, количество ДТП в столице уменьшилось процентов на 70, но зато все оставшиеся 30 процентов стали тяжкими с травмами и гибелью людей. Кстати, самые опасные дороги из всех — это не двухполосные с постоянными выездами для обгона на «встречку», а 4-полосные дороги без разделительной полосы. Там в экстренной ситуации водитель из левого ряда не может уйти вправо, потому что там тоже идёт автомобиль, и зачастую лобовое столкновение становится неизбежным.

— И снова о качестве... Провели в центре города капитальный ремонт дороги, заказчик его принял без замечаний, а через полгода там трещины, ямы или колея, как на грунтовом просёлке! Это результат низкого качества материалов, непрофессионализма исполнителей или чего ещё?

— Здесь целый «букет» болезней... Если бы причина была одна, её бы давно выявили и устранили. С одной стороны, есть нарушения в технологии производства работ — это первое. Вторая причина — несовершенство самой системы формирования подряда. На торгах главным критерием является снижение стоимости, а для автомобильной дороги это пагубно. Она не может быть удешевлена от того минимума, который даёт заказчик. Удешевление здесь возможно только за счёт снижения качества. Подрядчик, пытаясь как-то выжить и выполнить работу, начинает думать, где ему найти резервы? А это некачественные дешёвые материалы, сокращение сроков производства работ, и всё вместе — нарушение технологии.

К колеям на асфальтобетоне приводит и ещё одна частная причина. В настоящее время дорожные одежды рассчитываются у нас пусть и с запасом прочности, но на кратковременное приложение нагрузки. В этом случае дорога работает в упругой стадии, и колея, как правило, образуется только через длительный период эксплуатации. Но дорожная одежда не рассчитывается на статическую нагрузку. Там, где автомобили, особенно тяжёлые, стоят достаточно долго, мгновенно образуется колея, в этом месте покрытие уже не возвращается в исходное положение. Где это происходит? На автобусных остановках и в правом ряду, особенно перед перекрёстками, где стоят в пробках грузовики и автобусы.

Автомобильная дорога — это система. Если мы не весь комплекс работ учтём, значит, к нам «прилетит бумеранг». Нашумевший пример в Красноярске — ремонт проспекта Мира. Это старая улица без ливневой канализации — своего рода «корыто»,

в которое попадает вода — через трещины в покрытии, через грунтовые воды и т.д. Подрядчик снял старое покрытие, но по основанию дороги даже катком не прошёл — в проекте денег на это нет. Заказчик хотел только поменять покрытие, сделать красивое. Поменяли. А что толку? Нагрузку-то несёт не покрытие, а основание, и его тоже надо было приводить в порядок.

— Т.е. всё это надо предусмотреть на стадии проектирования и формирования заказа?

— Естественно! И тут мы опять возвращаемся к вопросу денег. На самом деле денег на дороги более-менее достаточно, вопрос в том, как их использовать. Беда в том, что мы хотим сделать как можно больше (по площади), потратив как можно меньше (денег). Вот был проект ремонта и реконструкции улиц Тогмина — Высотной. Заказчик сказал, что он слишком дорог: «Давайте за эти же деньги сделаем ещё и улицу Стасовой». И вот опять: мы в проекте не весь комплекс работ на инженерном сооружении сформировали, стало быть получили то, что заслужили. Начинает лопаться покрытие, и это НОРМАЛЬНО, потому что не всё было учтено!

— От системы торгов страдает не только дорожная отрасль, но и вся экономика страны. Торги снижают цену ниже нижней планки, которая обеспечивает минимальное качество. Это всё равно что превышать ПДК по выбросам и одновременно возмущаться, что дышать нечем... Так, может, стартовую стоимость торгов устанавливать не по минимуму, а выше на сколько-то процентов? Чтобы был люфт для торгов.

— Сейчас в дорожной отрасли у нас полностью разъединены все виды работ: проектированием занимается одна контора, строительством — другая, содержанием — третья, обеспечением безопасности — четвёртая и т.д. Помните, как у РАЙКИНА? «Кто сшил костюм?» — «Я пуговицы пришивал. К пуговицам претензии есть? Нет!». Тому, кто строит, экономически не выгодно делать это хорошо, ему же потом не содержать дорогу! Если бы вопрос рассматривался комплексно, может быть, тогда лишний рубль вложили в капитальные затраты, чтобы потом сэкономить на эксплуатации.

Второе. В чём несовершенство торгов? Процедура очень растянута, а в условиях Сибири и короткого сезона строительных работ время дороже, чем деньги. Сейчас как? Отторговали проект: по процедуре 10 дней на объявление, 10 дней на принятие решения, 10 дней на подписание — вот и месяц «улетел». После этого проектировщик поднапрягся, постарался и проект сделал. Дальше документация идёт в экспертизу, у которой норматив — не более 90 дней на принятие решения, а это три (!!!) месяца. Если власти разрабатывают и утверждают бюджет только на один год, подрядчик сможет выйти на работы не ранее июля, а в сентябре-октябре у нас сезон уже закрывается! Дорожники молятся, чтобы в октябре было потеплее! Нынешняя осень реально спасла строителей 4-го моста через Енисей! Температура и погода позволили вести работы, катать асфальтобетон. Ведь бюджетные деньги надо успеть освоить, в противном случае тоже штрафные санкции. А что делали бы, если б зима пришла раньше? Да всё равно катали бы! А куда деваться? Потому что у нас между техническими и политическими решениями стоит знак равенства! Вот и вся проблема...

Слушая эмоциональные горькие слова кандидата технических наук, член-корреспондента РАЕН Вадима Серватинского, я невольно вспомнил «народно-контрольные» акции коллег из разных СМИ, которые предлагали красноярцам сообщать, где дорожники кладут асфальт в дождь или снег. Перед глазами сразу встали гневно-честные лица чиновников, которые благодарили неравнодушных граждан «за бдительность» и штрафовали дорожников за выявленные нарушения технологии. Хотя лучше бы авторам «журналистских расследований» выяснить, почему подписание бумажек в бюрократической системе сегодня занимает больше времени, чем непосредственно ремонтные или строительные работы? Но в России виноват всегда «солдат»...

— Нужно принимать долговременные контракты, когда в текущем году можно отторговать проектирование, сделать проект и пройти Госэкспертизу, а в январе следующего года — провести торги на строительство, и с самого начала сезона без спешки в полном соответствии с технологией

Дорога. Начало.

выполнить весь объём работ и сдать его, предварительно проверив качество, — казалось бы, очевидные вещи говорит Вадим Вячеславович. И продолжает уже примерами комплексного подхода в дорожной отрасли. — Вспомните «Красноярскавтодор» 70-80-х годов. Там тоже было не всё хорошо, но именно тогда сформировалась нынешняя дорожная сеть! И большое строительство тогда шло вовсе не потому, что денег выделяли неимоверное количество. Дело в том, что в «Красноярскавтодоре» было своё проектное подразделение, он сам строил дороги, сам их потом содержал и ремонтировал. Такая комплексность как раз давала неплохие результаты.

— Спасёт ли наши дороги введение платы за проезд? Сейчас её собираются взимать с грузовых автомобилей полной массой более 12 тонн. А ведь это практически все мало-мальски крупные грузовики в стране, кроме ГАЗелей, даже облегчённые «городские» двухосные КамАЗы и МАЗы попадают под этот оброк. Более того, с подачи минтранса регионы рассматривают вопрос введения платного проезда по дорогам грузовиков полной массой более 3,5 тонн, а в эту группу разве что мелкие пикапы не попадают...

— Введение платы за проезд, если и поможет, то не намного. У нас есть пример государственно-частного партнёрства на дороге Балахта-Ужур, там с большегрузов взимают плату. Хорошо, если эти деньги вкладываются обратно в дорогу. У нас дорожных средств и так не много, и если для ремонта они ещё как-то используются, то средства на содержание дорог краевая и государственная казна выделяют по нормативам. И этот норматив усреднённо-одинаковый на всей территории России! Это как раньше

сирование до необходимых параметров, тогда всё станет на свои места.

Вообще на сверхнормативные траты нужен какой-то резервный фонд. Потому что мы не можем знать, сколько у нас будет метелей и снегопадов, сколько раз придётся вести расчистку и подсыпку дорог и т.д.

— Все практики сетуют на то, что нынешние выпускники вузов слабо адаптированы к реальным условиям профессиональной деятельности. Дорожники — не исключение, говорят: «Студентов учат нормативам, а у нас денег на нормативный объём работ просто нет! Они привыкли работать с компьютерами, а нам приходится учить их определять параметры на глаз».

— Выход здесь только один: подтягивать ДРСУ до существующих в дорожной отрасли научных наработок. На самом деле наши выпускники последних 5-6 лет очень конкурентоспособны, практически 90% из них начинают работать по специальности и не обязательно в нашем регионе. У них очень много профессиональных направленностей: мосты, дороги, безопасность движения... Госпредприятие «ЧукотАВИА» прислало нам запрос на специалистов, которые будут работать на аэродромах.

В то же время надо признать, что образовательные нормативы — это одно, а практика — другое. Наши выпускники всё-таки больше теоретики. Они знают, как должно быть, но не всегда представляют, как оно на самом деле.

В этом году у нас произошёл первый набор на прикладной бакалавриат. Уровень академической подготовки будет не такой высокий, как у магистров, зато практика — не 14 недель, а 24. И тут у меня уже обратный вопрос к специалистам отрасли: «Готовы ли вы принять студентов на полноценную производственную практику, чтобы в итоге они получили не только знания, но ещё умения и навыки, чтобы они могли решать прикладные задачи?».

У нас в планах совещание с руководителями отрасли, где я хочу доложить ситуацию с высшим образованием в дорожном строительстве, задать вопросы и обсудить предложения как раз по практическому обучению студентов. У нас уже есть небольшой опыт с подачи «КРУДОР» и с участием министра транспорта Сергея ЕРЁМИНА, когда четыре студента работали на четвёртом мосту и учились по индивидуальному графику. Они видели, что и как делают мастера, рабочие, и теперь будут знать, что от гайки до какой-то преграды нужно оставить расстояние, чтобы пролез ключ, которым эту гайку можно будет завернуть.

Рецепт лечения одной из двух главных российских бед известен и понятен многим, стоит лишь начать считать и думать чуть дальше сиюминутной выгоды.

Об этом ещё 40 лет назад писал всё тот же Роберт Рождественский:

*Не хочу, торопясь,
предвещать закон,
сгоряча горючить напраслину.
Но в Державе такой,
в Государстве таком
бездорожье —
уже безнравственно!*

Андрей КУЗНЕЦОВ

Изменить нельзя сохранить

**Автор —
Алевтина СПЕРАНСКАЯ,
кандидат
филологических наук**

Языковая норма, как никакая другая, находится в зависимости от воли человека. Нарушение административных норм или уголовных, экономических или норм грузоперевозки — всё подтверждено законодательно, всякий нарушитель этой сферы будет наказан. А где опубликован тот кодекс, то собрание нормативно-законодательных актов, который охраняет наше право на грамотную речь, регулирует и поощряет желание говорить нормативно?

Профессоры и профессора

Что такое норма? На этот простой вопрос можно дать столь же простой ответ — это такие правила, выполнение которых желательно или обязательно. Вот в этой разнице двух императивов — целесообразность или неукоснительность исполнения — заключена сложность существования языковой нормы. Мне кажется, что для рядового носителя языка норма существует в двух видах — в словаре (для всех) и в речи (для меня лично, как хочу). Это личностное отношение к словарной норме и переводит обязательность исполнения в свободу выбора — исполнять или не исполнять. Для человека даже его родной язык будет чуточку «чужим», если словарная норма расходится с привычным произношением или словоупотреблением. Например, привык с детства слышать и говорить «щавель», и нормативное «щавЕль» кажется неудобным и даже неправильным! А вспомните, сколько весёлых эмоций вам доставляет сопоставление слов, которые говорят «у них» — в другой семье, в другом районе, в другом городе: *парадная* и *подъезд*; *стайка* и *сарай*; *маечка* и *пакет*; *вешалка* и *плечики*; *лента* (занятие) и *пара*; *файл* и *мультифора*...

При этом строго литературная языковая норма надёжно зафиксирована в словаре. Специалисты подробно и по возможности полно описали языковой факт: его правописание, произношение, происхождение, толкование, словоупотребление (какую форму лучше использовать в каких ситуациях и почему).

Лингвисты исходят не из личных соображений. Они учитывают несколько факторов, главными из которых являются сама языковая система и частотность-массовость использования. Поясню, что под языковой системой понимается совокупность возможных способов и средств выражения, которыми обладает каждый национальный язык. Прекрасно языковой системой пользуются дети, создавая свои слова по моделям существующих в языке слов, и мы прекрасно понимаем эти «несуществующие» слова: *пивнуть*, *намакаро-нился*, *всколькером*, *зубовный врач*, *пугательные сказки* (примеры из книги К.И. ЧУКОВСКОГО «От двух до пяти»).

Другой пример проявления системы — окончания именительного падежа множественного числа слов

мужского рода на *-а (-я)* и *-и(-ы)*. Между двумя формами существует некоторая конкуренция, в которой «побеждает» окончание *-а(-я)*: *паспорта*, *берега*, *бока*, *директора*, *профессора*, *доктора*, *инспектора*, *якоря*, *прожектора*, *сектора*, *цеха*, *слесаря*, *токаря* — всё нормативные примеры. Расширение сферы влияния ударного и «звучного» конечного *-а* охватывает уже нелитературные примеры, и в речи появляются *договора*, *крема*, *выбора*, *светера*, *шофера*, *штурмана* и пр. Как верно заметил В. ВЫСОЦКИЙ в песне «Шторм»:

Мы говорим
не «штормы», а «шторма» —
Слова выходят коротки и смачны:
«Ветра» — не «ветры» —
сводят нас с ума,

Из палуб выкорчёвывая мачты.

Этот пример с окончаниями ярко иллюстрирует взаимоотношение языка и человека: язык содержит потенциал, человек его использует. Показательно, однако, что язык умеет и «защищать» свои интересы: есть слова, выбор окончания в которых уже определён, и человек не сможет поколебать устоявшееся положение. *Лагерь* — это детские, туристские и прочие места отдыха, а *лагери* — это общественно-политические группировки; *образы* — художественно-литературные, а *образа* — иконы; *ордена* и *ордены*; *пропуска* и *пропуски*; *пояса* (географические) и *поясы* (одежды); *соболя* (меха) и *соболи* (животные), наконец, *учителя* (преподаватели) и *учители* (главы учений).

Понижилась ли грамотность?

Один из самых частых вопросов филологу — о современной безграмотности. Или о грамотности, что в данном случае один вопрос, одна тема, одна проблема — ракурсы разные. Сложный вопрос. Многим современным кажется, что большинство слабо владеет языковой нормой. Даже те знания, которые мы должны помнить со школьной парты, порой забыты. Почему? Ведь в школе прикладывают немало усилий, чтобы мы писали и говорили грамотно.

Как объективно оценить уровень современной грамотности? Нет статистически достоверных данных. Никто не проводил научно обоснованных исследований. Есть только эмоциональные оценки: старшие ругают младших, младшие посмеиваются над старшими, мало знающими молодёжный круг слов и речевые привычки молодых.

Некоторую объективность я увидела в словах председателя экспертной комиссии «Тотального диктанта», заведующей кафедрой общего и

русского языкознания НГУ Натальи Борисовны КОШКАРЁВОЙ. Она рассказала, что в Новосибирском государственном университете проверили уровень знаний: «Мы на кафедре одно время сокрушались по поводу падения уровня подготовленности абитуриентов, потом подумали: а может быть, это говорит в нас простое недовольство изменением стандартов образования, а на самом деле всё не так страшно? И вот уже третий год на одном из самых первых занятий мы предлагаем первокурсникам «сдать» вступительный экзамен по тем стандартам, которые действовали в нашем университете до перехода на ЕГЭ. Билет по русскому языку включал разноаспектный разбор текста: синтаксический, фонетический, морфемный, морфологический, словообразовательный. Вначале на примере «образцового» текста мы повторяем все эти виды разбора и предлагаем сделать подобные разборы самостоятельно на примере другого текста. На «троечку» справляются только 5-6% студентов с баллами за ЕГЭ от 100 до 95. Раньше с «тройкой» по русскому языку к университету можно было и близко не подходить, а сейчас подавляющее большинство поступивших на прежнем вступительном экзамене получили бы «двойку».

Это отчасти говорит о том, что подготовка к ЕГЭ по русскому языку не вырабатывает «лингвистических», «языковедческих» навыков.

Но откуда ощущение всеобщей безграмотности? От того что больше стало публичных письменных текстов. Раньше письменный текст оставался в рамках узкого круга лиц — личные дневники, девичьи альбомы, «заветные» тетради с переписанными рассказами и стихами, записки родителей своим детям, письма... Кто их читал? Все эти тексты не покидали семейного и дружеского круга, в котором совсем не на первом месте вопрос правописания. Насколько грамотными были эти тексты? Насколь-

ко грамотны были поголовно все ваши одноклассники в 60-е, 70-е или 80-е школьные годы?

Сейчас Интернет любую частную переписку делает публичной. От этого ощущение слабых текстов, которые написаны авторами с нетвёрдым знанием правил орфографии, только усиливается.

Есть ещё одно замечание. Саратовский лингвист Ольга Борисовна СИРОТИНИНА выделила пять типов современной русской речевой культуры: элитарный, среднелитературный, разговорно-литературный, фамильярно-разговорный и просторечно-жаргонный. Хотим мы того или не хотим, но люди были и будут разные: одним важно КАК сказать, другим это совершенно не важно. Одни придерживаются мнения, что быть с младшим даже малознакомым или незнакомым собеседником на «ты» — хороший тон, другие не смогут этого сделать, оставаясь в рамках «вы»-общения. Одни не будут подражать своему речевому окружению, другие будут стараться говорить «как все». В одних заложено желание проверять новое услышанное или увиденное слово по словарю, другие не сочтут нужным это сделать — и так всё примерно понятно, зачем заморачиваться? У людей разное отношение к себе, к слову, к языку, к норме.

Если нельзя, но очень хочется, то... нельзя

Сам язык не может защитить свои интересы. Он может предоставить нам свои многовековые ресурсы, из которых человек отбирает те, что ему по силам, по уму, по надобности. Человек использует небольшую часть языковых запасов в своей речи, распоряжается этим по своему усмотрению, заботясь преимущественно о том, чтобы собеседники его понимали и — принимали. Как говорил Иммануил КАНТ: «Свобода размахивать руками заканчивается у кончика

другое мнение

С утверждением автора, что русскому человеку свойственно законноебрежение, редакция не может согласиться: ни с самим этим мифом, ни с тем, что от этого у нас наплевательское отношение к своей грамотности. Чтобы разговор был более профессиональный, мы попросили высказать свой взгляд на данный вопрос **Татьяну Васильевну ТАРАСЕНКО, кандидат филологических наук, СибГАУ:**

— Существует и широко бытует культурный миф о русском национальном характере, который стал складываться в конце XVIII века, а лексическое оформление, по мнению Ирины ЛЕВОНТИНОЙ, получило оформление к 30-м годам XIX в. Далее этот культурный стереотип только обогащался благодаря русской литературе, особенно текстам Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: сразу всплывает *надрыв* из «Братьев Карамазовых», который современные переводчики уже не переводят: автор нового немецкого перевода пояснила — если *перестройка* не переводится, то о надрыве что и говорить.

Одним из элементов мифологии о русском национальном характере является и законноепослушание. Надо признать, что российское общество с удовольствием подхватило эту установку на законноепослушание. К чему приводит такое согласие с «ментальными установками», можно проследить, анализируя визуальные представления западных журналистов, пишущих о нашей стране: «История России повторяется — огромный медведь (царский, коммунистический или путинский) терзает чихуахуа». Метафоры дают политикам и СМИ готовые решения, позволяют не замечать противоречия и ведут к мифологизации политики, моментально навязывая ассоциации — кровавая, варварская, отстающая в развитии страна.

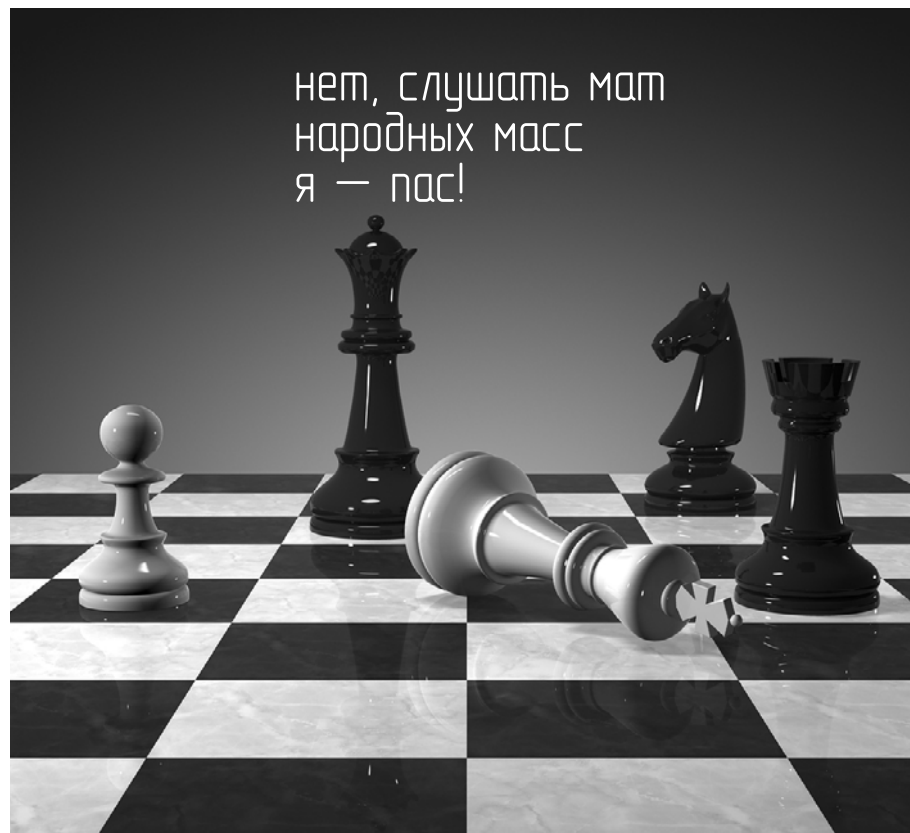
Несоблюдение законов россиянином — миф, ссылаться на него как причину неграмотности — значит продолжать подпитывать его и дальше.

Теперь перейдём к причинам безграмотности. Здесь стоит обратить внимание на следующие факторы. Во-первых, мы живём в эпоху, которую Ирина Левонтина обозначила так: «сейчас все кричат кто во что горазд, и никто никого не слышит». Т.е. важнее сказать своё слово, чем услышать другого. Это усугубилось тем, что утрачены институты редакторы и корректуры. Современный человек перестал слышать ежедневно и ежечасно правильную нормативную речь: на телевидении и радио нет дикторов, речь которых служила когда-то образцом звучащей речи, в Интернете возник невиданный ранее гибрид — «письменная фиксация разговорной речи». Произошла демократизация института авторства: писать и говорить публично может любой. Школьный учитель, к сожалению, тоже перестал быть образцом нормы.

носа другого человека», то есть, перефразируя мысль для нашего случая: свобода словесного самовыражения одного человека начинается там, где встречается желание другого поддерживать ваше словоупотребление. У одних желание слышать и видеть хороший текст выражено ярко, другие к его качеству относятся несколько спокойнее, третьи вообще равнодушны. У одних знания языковых норм прочны, другие путаются в элементарных «ться» и «тся». Хотя, конечно, очень хотелось бы, чтобы каждый из нас постоял за честь языка и взял на себя труд знать и помнить его законы.

Почему так некрепки наши теоретические сведения о русском языке? Почему школьные знания не помогают поддерживать хотя бы элементарный уровень владения родным языком — правописание и произношение? Можно предположить, что «плохо учат в школе», что в преподавании родного языка не хватает убедительности и наглядности объяснения... Однако школа остаётся позади, вчерашние школьники — уже молодые и взрослые люди, ответственность перекладывать не на кого — надо за свою грамотность отвечать самому. Тем более что процедура получения элементарных знаний упростилась — один заход в Интернет, и ответ «как правильно» — перед твоими глазами (хотя бы на сайте «ГРАМОТА.РУ» со слоганом «Русский язык для всех»)! А между тем Интернет изобилует неграмотной речью. Почему? Плохое знание правил тут ни при чём, если готовый ответ можно получить и без знания правила.

В поисках ответа мне пришлось зайти на территорию, где обсуждаются такие понятия, как «менталитет», «типизация», «стереотип», «национальный характер». И ответ на вопрос о небрежении русским человеком своих речевых норм вписывается в общую черту русского менталитета — законобрежение. Ведь для многих из нас словесная формула: *Если нель-*

зя, но очень хочется, то... заканчивается словом *можно*. Данная ёмкая формулировка отражает установку сознания, которое и определяет наши действия. Сложно удержаться и не процитировать великолепного современного лингвиста Владимира Викторовича КОЛЕСОВА: «Для русского человека неприятие всех форм нормализации (вопреки естественному закону) как раз и было всегда определяющей чертой поведения».

Я не знаю, насколько данная установка русская. И, конечно, не надо считать её абсолютной и обязательной для всех русских. Но то, что она и широко распространена во многих сферах нашей жизни, не нужно доказывать, настолько это очевидно. Так что сложности с нормативной сторо-

ной языка (как правильно говорить и писать) — всего лишь частное проявление общего, характерного для русского человека неприятия всех форм нормализации.

Конечно, только небрежением законов и правил нельзя объяснить неграмотность. Я хорошо представляю себе и другие причины плохого владения родным языком. Кроме лингвистических есть и психологические, и социальные. Но для меня важно, что объяснение частично кроется в данной ментальной установке. Правда, если крепко-накрепко усвоить, что *Если нельзя, но очень хочется, то всё равно нельзя*, тогда, возможно, с культурой не только речи, но и поведения будет заметно лучше.

Вопрос об отношении к языковой норме и правильной речи нельзя упрощать. Именно нарушение языковой нормы лежит в основе языковой игры. Но это нарушение, как это ни парадоксально для кого-то прозвучит, строится по своим законам (опять закон!), которые хорошо надо знать, чтобы создать что-то стоящее. Да и неграмотную речь языковой игрой не назовёшь.

Меняющаяся норма

При всей своей стабильности норма — явление не совсем устойчивое, то есть она может меняться. Медленно и незаметно или же достаточно быстро. Например, два века менялась норма употребления вариантов форм инфинитива некоторых глаголов на *-нуть*: достигнуть и достичь, застигнуть и застичь, постигнуть и постичь, настигнуть и настичь. На протяжении XIX–XX вв. эти формы были равноправными. По наблюдениям специалистов в наши дни бессуффиксный вариант побеждает, его предпочитают использовать современные носители языка.

Норма словоупотребления вариантов типа *костюмер — костюмерша* или *специалист — специалистка* поменялась за 30–40 лет: в середине XX века «женские» варианты были вытеснены «мужскими». Ещё более стремительное изменение нормы зафиксировали лингвисты в 90-х гг. XIX века: тогда входящие в широкий речевой оборот единицы электрических измерений, поколебавшись между нулевым окончанием (*ватт,*

ампер, вольт) и окончанием *-ов* (*ваттов, амперов, вольтов*), закрепились в более короткой форме.

На наших глазах была скорректирована норма словоизменения русских географических названий на *-о*. Превращала склонять эти названия: в *Назарове, Кемерове, Шарыпове*. И лишь в профессиональном языке военных и топографов названия оставались в начальной форме, то есть не склонялись. Сегодня словарь отмечает как возможные и допустимые оба эти варианта — несклоняемый и склоняемый, причём склоняемый вариант приводится как дополнительный, хотя совсем недавно было наоборот.

Создавать единую нормативную базу произношения и грамматики из-за подвижности языковых процессов сложно. Одни просят и даже требуют «оставить всё как есть», «не трогать тот язык, к которому привыкли», «не отбирать язык, доставшийся нам от великого ПУШКИНА» (цитирую действительные ответы). Вряд ли тот, кто ссылается на Пушкина и других русских классиков, представляет себе реальный язык пушкинской эпохи: *музы́ка, кладби́ще, библиоте́ка, Погасло дневное светило...* Перечитайте басни КРЫЛОВА или вспомните совсем уж хрестоматийное: *Когда в товарищи соглася нет, / На лад их дело не пойдёт*. И вас удивит количество слов, произношение которых не совпадёт с сегодняшним. Язык меняется, не весь, лишь небольшая его часть: то, что было правильным раньше, сейчас выглядит как устаревшее, архаичное. Но в какой момент «правильное» сейчас произношение перестаёт быть таким и становится устаревшим? В языке не происходит это одномоментно как скачок. Изменения накапливаются постепенно в речи носителей языка, эти изменения вступают в отношения с другими аналогичными случаями, и совершается переход от одной нормы к другой.

Просьбы тех, кто просит «ничего не менять в языке», понятны — они хотят стабильности. В начале XX века прекрасный лингвист Лев Владимирович ЩЕРБА отметил, что в бытовом понимании язык изменяется до нас и будет изменяться в дальнейшем, но сейчас он неизменен. Однако языку необходимо меняться, и человек волей-неволей будет свидетелем современных изменений. Чтобы норма изменилась, ей как воздух необходим период варьирования. Варьирование не противоречит языковой системе, каждый из вариантов предусмотрен системой. Например, *кофе* — мужского рода, потому что по происхождению он кофий, по аналогии, кстати сказать, со словом чай. Но и среднего, потому что внешне оформление этого слова в нашем языке аналогично словам среднего рода: *юре, беже, шоссе, кашне, пенсне*. В «Орфоэпическом словаре русского языка» под редакцией Рубена Ивановича АВАНЕСОВА ещё в 1989 году приведены оба эти варианта как допустимые, однако период «кофейного» варьирования продолжается до сих пор.

Нельзя запретить языку меняться. Как и нельзя оставить человека без словарей. И надо понимать, что составление рекомендаций и предписаний — это труд, и он совершается не наобум, по лингвистическому хотению, а по трудно уловимому языковому велению. И поверьте мне, услышать это веление в шуме наших дней могут только весьма подготовленные специалисты. ●

Во-вторых, общая культурная ситуация. В начале 90-х годов на филфаке Красноярского государственного университета встала необходимость преподавания практикума по орфографии и пунктуации; абсурдность нововведения удивляла: ведь если человек поступил на филфак, то нормы правописания наверняка освоил. Кстати, в РГГУ у филологов и сейчас такой практикум есть. Будущие учёные тоже пишут с ошибками, я постоянно сталкиваюсь с ошибками в авторефератах, диссертациях, в отзывах докторов наук... Общество перестало реагировать на речь ньюсмейкеров, на их косноязычие и прочие речевые «безобразия», хотя можно вспомнить примеры, вошедшие в историю: речь М. ГОРБАЧЁВА и В. ЧЕРНОМЫРДИНА и реакция на них общественности.

Конечно, можно сослаться на некоторые образовательные сложности. Ведь чтобы применить правило постановки запятой, надо владеть терминологией и врождённым (а иначе никак!) чувством языка. Судите сами, легко ли применить такое правило: «Обособляются несогласованные определения, выраженные косвенными падежами имён существительных (чаще с предлогом), если подчёркивается выражаемое ими значение». Есть ли время думать над этим у журналиста или менеджера, для которых скорость создания текста — на первом месте? К тому же, как выяснилось, можно всегда всё оправдать русской ментальностью.

Таким образом, наблюдается замкнутый круг: увеличение числа авторов, не имеющих достаточной подготовки при отсутствии критического отношения со стороны воспринимающей аудитории. В школе продираемся через сложные правила, затем слушаем/читаем плохо написанные тексты, затем создаём свои... Система кодификации не работает, филологи утратили возможность влиять на принятие решений.

Игорь Григорьевич МИЛОСЛАВСКИЙ, автор книг и учебников по русской грамматике, рассуждая на эту тему, сказал: «Мы дожили до той поры, когда троечники стали учить двоичников». Гуманитарное образование сокращается, а филологи скоро перестанут существовать как класс, который стремится рассказать о норме, объяснить, как устроен текст, и многое другое. Нельзя сказать, что запроса от общественности нет, такие акции, как «Тотальный диктант», свидетельствуют как раз об обратном: люди хотят быть грамотными. В некоторых московских школах есть курс «Языкознание для всех», который объясняет школьникам основы языка, причины изменения в нём, показывает связь между «вчерашним» языком и «сегодняшним».

Думается, для перемены ситуации должны быть и внутренние причины: рефлексия о себе, о своей речи. Если не за горами — общество знания.

Стандартное воспитание

Проходящая в последние годы образовательная реформа по сложившейся у нас традиции была принята общественностью более чем неоднозначно. Вводимые при этом образовательные стандарты тоже не избежали этой участи, вызвав горячие споры как среди профессионалов, так и среди родителей. Однако не так много нашлось желающих поставить под сомнение закреплённое в этих документах утверждение, что духовно-нравственное развитие и воспитание будущих граждан является первостепенной задачей нашей образовательной системы. Такое единодушие, конечно, не случайно — уж очень сомнительным получился результат её деятельности за последние годы.

«Мы живём в такое время, что трудно спрогнозировать, каких детей увидит перед собой учитель, приходя 1 сентября в класс, — признался министр образования и науки Дмитрий ЛИВАНОВ, два года назад выступая перед учительским сообществом, — будет ли в их глазах желание, мотивация учиться, будут ли они все владеть русским языком как своим родным, будут ли у них какие-то отклонения в поведении и так далее. Будет или нет — неизвестно, но ко всему нужно быть готовым».

Такому признанию, конечно, радоваться не приходится, как, впрочем, не приходится ему и удивляться. С началом второго за столетие поиска путей к лучшей жизни, на который мы уверенно вступили тридцать лет назад, гуманитарные вопросы сами собой отошли на задний план, освободив место задачам элементарного выживания. Жёсткие идеологические стандарты, десятилетиями спускаемые сверху на головы учителей и учеников, сами собой исчезли, освободив место стихии формирования нового человека, принципиально отличного от недавнего «строителя коммунизма». При этом было очень удобно объявить, что рынок всё расставит на свои места, создаст условия для пополнения армии необходимых обществу специалистов и каким-то чудом породит гражданина, способного нейтрализовать «зловонный оскал капитализма», обратив его во вполне себе «человеческое лицо».

Однако для таких сложных манипуляций с лицами граждан, сформированный в условиях структурного хаоса, идеологического вакуума и правового беспредела, в конечном итоге оказался совершенно не готов. С образовательным уровнем тоже случилась беда. Несмотря на, казалось бы, так счастливо открывшиеся новые возможности, он вдруг стал заметно снижаться. В этой ситуации педагогическое сообщество занялось поиском вариантов, способных переломить эту нежелательную тенденцию. По словам заместителя декана факультета начальных классов Красноярского педагогического университета им. В.П. Астафьева Игоря Анатольевича АЛИКИНА, несмотря на равнодушие социума и власти, интерес к поиску новых ориентиров в профессиональной педа-

гогической среде всегда сохранялся — проводились исследования, писались научные труды, защищались диссертации. Тогда же в девяностые годы была разработана модель построения государственного образовательного стандарта, положившая начало как действующим с 2004 года и вводимым сегодня новым образовательным стандартам, так и бурной дискуссии в обществе, которая всё никак не затухает.

Надо признать, что эта кипучая теоретическая деятельность не могла помешать школам, брошенным в жёсткую повседневную реальность эпохи перемен, понемногу превращаться в этикетные камеры хранения, куда родители на время сдавали своих чад, чтобы иметь возможность более-менее свободно зарабатывать на жизнь. Однако это совсем не означало, что избавленная от необходимости насаждать какую-либо идеологию, отпавшая в свободное плавание школа вдруг перестала формировать у подрастающих граждан требуемые конкретным историческим моментом поведенческие нормы. Как и предписано природой, дети вполне успешно эти нормы осваивали, проявляя свойственную их возрасту высокую способность к адаптации.

Как показывает опыт, присутствие или отсутствие официально утверждённых стандартов воспитания и образования, закреплённых на бумаге, совсем не мешают стихийному появлению норм, отвечающих запросам общества. Так или иначе, но их вырабатывает сама жизнь, под которую должен приспособиться всякий, кто намерен в ней преуспеть. Да и просто надеется выжить.

Стихийное нормообразование и нормы, порождённые стихией

Стандарты, нормы, правила появляются не от того, что кто-то их сидит и придумывает. Они возникают из реальной жизни и всегда имеют под собой или неизменные законы природы, с которыми просто нельзя не считаться, или изменчивые, но от того не менее жёсткие правила, действующие в социуме. Всем известно, что спорить с законами природы совершенно бесперспективно. Но можно ли как-то влиять на социум, вводя «правильные» стандарты вопреки «неправильно» сложившейся социальной действительности?

«Пытаться, конечно, можно. И даже необходимо, — отвечает Игорь Анатольевич. — Но это очень сложно и совсем не означает, что желаемый результат обязательно будет достиг-

нут. Разве плох был моральный кодекс строителя коммунизма, нацеленный на достижение прекрасного светлого будущего? Но если бы этот замечательный стандарт мог быть исполнен, то мы бы в этом светлом будущем и оказались. Однако не всё так просто. Человек в своей жизни опирается не на фантазии, а на окружающую его реальность, к которой он вынужден приспосабливаться. Ребёнок же с первых шагов усваивает образцы поведения, которых придерживаются взрослые. В любых социальных группах дети — самые правдивые зеркала своих семей.

Конечно, наработанные предыдущими поколениями нормы и правила поведения не передаются последующим в абсолютно неизменном виде. Они всегда корректируются в зависимости от ситуации. И в ходе этой корректировки часто то, что совсем недавно осуждалось, вдруг становится абсолютно приемлемым. Например, в таком солидном издании, как «Литературная газета», ещё совсем недавно, в семидесятые годы, на полном серьёзе обсуждалось, прилично ли молодым людям сидеть на скамейке в обнимку на глазах у гуляющей публики. Помню, очень бурные тогда шли дебаты среди интеллигенции, студенческой и рабочей молодёжи. Или взять тот же так называемый гражданский брак. В современной молодёжной среде к нему относятся вполне терпимо. Правда, и сейчас он всё равно рассматривается как пробный. Как вполне разумный этап, предшествующий браку официальному».

Здесь к сказанному можно добавить, что и в этом случае нормы поменялись довольно радикально. Теперь попытки молодых людей заключить брак, следуя патриархальной традиции, зачастую вызывают совершенно невозможное совсем недавно осуждение: «Какое легкомыслие! И не пожил вместе, не узнали друг друга толком, а уже жениться! В лишние расходы только родителей вводят да статистику портят».

Но это всё примеры постепенных, если можно так сказать, эволюционных изменений. Особых потрясений нравственным устоям они не несут. Чего нельзя сказать об изменениях революционных. «Вспомните фильм «Бригада», — продолжает Игорь Анатольевич. — Посмотрел только несколько серий, настолько отталкивающие там демонстрировались нормы поведения, которые тем не менее у массового зрителя вызвали понимание и сочувствие. И в этом не было ничего удивительного — именно эти нормы и позволяли героям выживать в абсолютно бесчеловечных условиях, которые зрителями совершенно справедливо воспринимались вполне реалистичными. Конечно, при всей катастрофичности ситуации, сложившейся в обществе в девяностые годы, такие радикальные стандарты, как «убей», «укради», «возжелай», всё же не стали общепринятыми. Да и не могли стать. Хотя, думаю, при каком-то уж совсем апокалиптическом развитии событий очень даже можно их получить».

К счастью, до такого развития событий дело в девяностые не дошло. Следуя инстинкту самосохранения, общество жёсткой формуле «выживает сильнейший» предпочло проверенную временем установку, призывающую «сеять разумное, доброе, вечное». И, как следствие, вспомнил о «сеятелях», дав им напутствующие ориентиры в виде федеральных государственных образовательных стандартов.

От карапуза до гражданина

Принятые образовательные стандарты, конечно, в первую очередь вмещают в себя требования, обязательные для реализации основных образовательных программ. Они отражают социальный заказ и потому рассматриваются как общественный договор, согласующий требования, предъявляемые семьёй, обществом и государством к системе дошкольного, школьного и профессионального образования.

Но помимо образовательного уровня стандарты определяют и становление личностных характеристик будущего гражданина, начиная с момента, когда он оказывается в руках профессионалов — воспитателя детского сада, учителя средней школы и преподавателя школы высшей.

Согласно концепции, которая легла в основу разработки и реализации новых образовательных стандартов, пребывание в средней школе должно довести ученика до способности «совершенствоваться и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, добиваться нравственного и физического совершенствования своей личности». И в конечном итоге, в случае прохождения высшей школы, приобрести устойчивый навык «использовать углублённые знания правовых и этических норм при оценке последствий своей профессиональной деятельности, при разработке и осуществлении социально значимых проектов».

Восхождение к этим высотам, согласно принятой концепции, начинается с проявления настойчивости и самостоятельности в бытовом и игровом поведении трёхлетнего малыша, с его стремления общаться со взрослыми и сверстниками. И, согласно установленному стандарту, к семи годам этот малыш должен обладать установкой положительного отношения к миру, другим людям и самому себе, обладать чувством собственного достоинства. При этом он становится способен учитывать интересы и чувства других. И, конечно, умеет подчиняться разным правилам и социальным нормам.

С возрастом определяемые стандартом требования к личностным качествам ученика возрастают и на выходе складываются в «портрет выпускника школы», на котором изображён отвечающий сегодняшним запросам общества гражданин:

— любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции;

— осознающий и принимающий традиционные ценности семьи, российского гражданского общества, многонационального российского народа, человечества, осознающий свою сопричастность судьбе отечества;

— креативный и критически мыслящий, активно и целенаправленно познающий мир, осознающий ценность образования и науки, труда и творчества для человека и общества;

— владеющий основами научных методов познания окружающего мира;

— мотивированный на творчество и инновационную деятельность;

— готовый к сотрудничеству, способный осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность;

— осознающий себя личностью, социально активный, уважающий

нестандартной личности

закон и правопорядок, осознающий ответственность перед семьёй, обществом, государством, человечеством;

— уважающий мнение других людей, умеющий вести конструктивный диалог, достигая взаимопонимания и успешно взаимодействовать;

— осознанно выполняющий и пропагандирующий правила здорового, безопасного и экологически целесообразного образа жизни;

— подготовленный к осознанному выбору профессии, понимающий значение профессиональной деятельности для человека и общества;

— мотивированный на образование и самообразование в течение всей своей жизни.

Этот заданный стандартом портрет впечатляет своим монументальным совершенством. Очевидно, что его реализаторы (родители, воспитатели детских садов и школьные учителя) для достижения таких результатов должны обладать достаточным профессионализмом.

Что касается педагогов-профессионалов, то качество их подготовки может быть обеспечено высшей школой. По признанию Игоря Анатольевича Аликина, их студенты все годы обучения постоянно работают с детьми, имея возможность получить хороший опыт педагогической практики.

Понятно, что ничего подобного нельзя сказать о «педагогах-любителях», представляющих семью. Более того, в большинстве своём формировались они исходя не из «правильных», научно выверенных стандартов и программ педагогических вузов, а в результате педагогического творчества масс времён стихийных социальных преобразований (точнее сказать, потрясений). Беря во внимание, что их участие в написании «портрета», прямо скажем, определяющее, получим ли мы желаемый результат?

«Получить его можно только в том случае, — считает Игорь Анатольевич, — если социум как заказчик будет заинтересован именно в таком портрете. Здесь имеется в виду не формальная заинтересованность, а реальная, основанная не на наших желаниях, а на реально складывающихся в этом социуме условиях. Хотим мы или не хотим, но именно эти условия объективно влияют на формирование личности. И победа педагогов над этой объективностью, к сожалению, случается далеко не так часто, как нам всем бы хотелось».

Стандарты и прекрасные превращения

Как же формируется личность, и какие этапы в своём развитии она проходит, взаимодействуя с окружающей действительностью? «Процесс нравственного развития человека делится на три этапа, — продолжает разговор Игорь Анатольевич. — Первый этап можно условно назвать «что такое хорошо и что такое плохо». В раннем возрасте ребёнок, принимая то или иное решение, выбирает между наказанием и похвалой. Именно на это он и ориентируется. Ничего другого у него просто нет, и не может быть. На втором этапе, который начинается в подростковом возрасте

и для большинства из нас длится до тридцати годов, ориентирами становятся групповые нормы или закон. Здесь присутствует следующая логика: «Если я ничего не нарушаю, я нравственен. А если нарушаю — должен быть наказан».

Стандартизация — это и есть второй, промежуточный этап. Миновать его нельзя. Но вполне возможно на нём и остановиться. И остановившись, прожить свою жизнь вполне нормально. И не утруждать себя рассуждениями о справедливости того или иного закона, следуя спасительной установкой «закон суров, но это закон».

А вот следующий, третий этап предполагает ориентацию на ценности высшего порядка, перед которыми законы вторичны. Человека останавливает от какого-либо дей-

ствия внутреннее нежелание его совершать, а совсем не страх, что его осудит общество. Человек по-настоящему может быть свободен только на этом третьем уровне. Правда, за эту свободу ему довольно часто приходится платить. Возможно, потому до третьего этапа, до этих высоких внутренних стандартов добирается лишь процентов пятнадцать-двадцать взрослого населения».

Но неужели формирование этих высоких стандартов никак нельзя протестировать и добиться более значимых процентов, несмотря на возможную высокую плату?

«В определённой степени можно, — соглашается Игорь Анатольевич. — Известно, что человека формиру-

пусть ещё совсем небольшой, но уже прожитый им отрезок жизни с множеством самых разных отношений, родственных связей, переживаний, влюблённостей и вражды. У каждого свой неповторимый опыт, на котором он выстраивает свои взаимоотношения с миром. Конечно, общие нормы и ограничения обязательно должны быть. Никуда от этого не денешься. Но важно, чему они будут способствовать — развитию или консервации в заданной форме.

Возвращаясь к трём этапам нравственного развития, о которых я говорил, хочу сравнить их последовательность с ситуацией гусеницы, кокона и бабочки, которая из него должна вылететь на свободу. Гусеница, пропуская через себя действительность в доступной для неё форме, стремительно наращивает свой жизненный потенциал. И превращается в успокоенное нечто, ограниченное надёжным в своей правильности и полнейшей лояльности коконом. Но что живёт в коконе? Хотя оно там хорошо, оптимально встроено, оно ещё не созрело и не являет собой конечный результат развития. В этом мессиве аминокислот и прочего биологического материала есть некие опорные точки, готовые запустить механизм дальнейшего развития. Это не внешние центры. Они находятся внутри. Внешнее воздействие на эти центры существует, но передаётся оно через покрывающий их кокон — заданную форму, стандарт, норму. Что в результате вылетит из кокона? И вылетит ли вообще? Поживём — увидим. Пока рано говорить о результатах, введённых в сфере образования стандартов. Но отдельные позитивные моменты уже видны».

Что ж, остаётся надеяться, что эта заданная форма, этот безупречный в своей официальной признанности кокон стандартов, в конечном итоге не законсервирует эти самые точки дальнейшего развития раз и навсегда, а лишь поможет нейтрализовать негативное воздействие на них внешних сил. И тогда мы будем вправе ожидать, что из совершенных по своей форме, но монохромных и однотипных коконов будет вылетать не двадцать процентов, а куда большее число многоцветных прекрасных бабочек, радующих нас своим свободным полётом. И радующих самих себя, что не менее важно для нашего общего благополучия.

Галина ДМИТРИЕВА

НЕФОРМАТ

Читайте в электронной версии

По правилам или по понятиям?

Текст Андрея КУЗНЕЦОВА

Пожалуй, самым обширным сводом норм и стандартов, с применением которого мы сталкиваемся практически каждый день, являются Правила дорожного движения. Плюс бесчисленное множество других законов, подзаконных, ведомственных и местных актов, которые тоже так или иначе пытаются регулировать ситуацию на дорогах. О многих мы даже не подозреваем, многие просто игнорируем. Почему?

Объяснить это правовой безграмотностью или традиционной в России надеждой на «авось» — проще всего. Однако не только в этом дело, а часто в самих правилах.

Жизнь в памятнике архитектуры

Текст Олеси ПОЗДНЯКОВОЙ

В Красноярске есть культурные и образовательные учреждения, располагающиеся в зданиях, которые являются памятниками культурного наследия. Так, например, Детская художественная школа им. В.И. Сурикова располагается в историческом памятнике на улице Ленина, Детская музыкальная школа №5 — в деревянном памятнике архитектуры рядом с Органным залом, а Детская музыкальная школа №1 в доме купца Зельмановича. Это не только позволяет работать и учиться в красивой обстановке, но и добавляет ответственности для руководителей. Мы расспросили директора музыкальной школы №1 Ольгу БОРОДИЧ о том, каково это — работать в охраняемом строгими предписаниями здании.

Как я работал переписчиком

С 1 по 31 октября 2015 года Федеральная служба государственной статистики (Росстат) проводила микроперепись населения. Последняя являлась не только важным этапом в подготовке Всероссийской переписи населения 2020 года, в ходе неё собирались сведения о современном составе населения страны (в дальнейшем их используют для разработки мер адресной помощи населению, повышения качества услуг здравоохранения и образования и др.). Было опрошено 2,5 млн человек во всех регионах России, в том числе 43 тысячи в Красноярском крае. Домохозяйства выбирались случайным методом, но так, чтобы результаты можно было распространить на всё население.

В российской истории это уже третья по счёту микроперепись (первая состоялась в 1985 году, вторая — в 1994). Респонденты отвечали на вопросы о возрасте, национальной принадлежности, состоянии в браке, уровне образования, гражданстве и владении языками, видах источников средств к существованию (без указания размера доходов), экономической активности, составе домохозяйства, о том, сколько детей хотели бы иметь. Но среди вопросов анкеты были и новые, которых раньше не задавали. Например: «Если бы вы хотели иметь большее число детей, что на это повлияло бы?» (далее перечислялись условия). При исследовании впервые были опробованы электронные методы сбора данных — в частности, планшеты у переписчиков.

Непросто было завербоваться на микроперепись. Персонал набирался из самых проверенных людей. Я как участник Всероссийской переписи населения 2010 года (и обладатель медали за заслуги в её проведении) вполне претендовал на такую работу. Но всё равно приходилось следить за ходом набора персонала, напоминать о себе, чтобы не оказаться не у дел.

И один в поле воин

На сленге статистиков «пойти в поле» означает отправиться переписывать население. Порядок действий переписчика проверен временем. Не отличался он и нынче. Первые два дня заняло обучение персонала в управлении статистики, знакомство с инструкторами. На третий день начался обход счётных участков (жилых домов, попавших в выборку). Предварительно расклеивались плакаты с агитацией, опускались листовки в почтовые ящики.

И вот он, волнующий момент, — «выход в поле». Каждый переписчик — сам себе организатор, хотя и под руководством инструктора (в моём случае это была очаровательная, но требовательная Юлия).

Люди по-разному относились к проводимой микропереписи. Кто-то не знал про неё: не смотрел новости, не проверял почтовый ящик. Другие считали такое мероприятие бесполезным, мол, в ЖЭКе всё и так знают, обращайтесь туда. («Ну, конечно, — парировал я, — знают и то, сколько

вы хотите родить детей»). Или: «Раз перепись выборочная, мы не будем в ней участвовать». И хлопали дверью.

По-разному встречали и переписчика. Диапазон гостеприимства колебался от предложения чашки кофе до ругани и угроз спустить с лестницы. Но таких людей были единицы. В переписных листах напротив таких «опасных» помещений приходилось ставить примечание «агрессивный человек» — чтобы переписчикам 2020 года досталось меньше сюрпризов.

На этот раз я работал без помощи участкового. Дело было так. Звоню полицейскому начальнику, излагаю свою просьбу. А в ответ: «Участковый может посетить с вами только неблагополучные квартиры». Иду в опорный пункт, нахожу нужного участкового. А он: «Список неблагополучных квартир не даём — это для служебного пользования». Сам же ни разу меня не сопровождал — некогда. Другим переписчикам повезло больше. (Во время переписи 2010 г. и списки предоставили, и вечером сопровождали, но тогда я взаимодействовал с другим районным отделом внутренних дел).

Случаи бывают разные

Мой первый выход в народ начался с небольшого происшествия: порвался фирменный портфель с надписью «Росстат» — один из атрибутов переписчика. Лямка не выдержала тяжести портфеля, и он чуть было не грохнулся об асфальт. А внутри — планшет с электронной базой счётного участка. Хорошо, успел поймать. Накладки первого дня на этом не закончились. Через три часа работы разрядился планшет. И всё же план в тот день я даже перевыполнил

Но в эту «осторожную» квартиру я всё-таки попал. По иронии судьбы опять было уже около девяти вечера. Обходил в очередной раз «отказников». Деваться некуда — план, отказов должен быть минимум. Некоторых убеждал раза с пятого. Выхожу, значит, из подъезда. Ба! Навстречу тот самый мужчина. В руках тяжёлые сумки и какой-то агрегат, похожий на электродвигатель. Не иначе — из гаража. «А-а, снова перепись! Ну, пойдём. Извини, не знал тогда, почту давно не проверял». В итоге число переписанных лиц перевалило за 400.

Одним из респондентов оказалась кандидат наук. На вопрос об образовании уточнила: есть ли вариант «выше высшего». «Ну конечно, есть», — ответил я и поставил соответствующую отметку — «послевузовское профессиональное». Перекинулись несколькими фразами — оказалась историком. Коллега, значит. И надо же — проживала именно на моём участке! Подарила на память свою книгу с дарственной подписью.

Встретился и один неграмотный человек — бабушка 1927 года рождения, всю трудовую жизнь проработала в колхозе. Она же и родила больше всех детей — пять. Другие опрошенные женщины рожали максимум троих. В двух домохозяйствах проживали дети-близнецы. Один мужчина, видимо, в прошлом «челнок», указал, что владеет тремя иностранными языками.

Мои наблюдения

Напоследок некоторые наблюдения — пригодится будущим переписчикам. В какое время суток лучше проводить перепись? В принципе, в любое, пока можно нарушать тишину. У людей разный график работы, разный ритм жизни. Но всё же лучше всего — вечером с четырёх до восьми часов. Позже многие боятся открывать дверь, кто-то укладывает спать маленьких детей. До девяти вечера можно переписывать железно. В случае отказа в почтовый ящик опускается листовка с телефоном переписчика. По телефону можно согласовать удобное время для визита, а то и вообще переписать людей.

Полезно записывать контакты жильцов. Это поможет уточнить данные, упущенные при опросе, узнать информацию о соседях-«отказниках» (количество человек в домохозяйстве, их возраст и пр.).

Некоторые вопросы нужно пояснять, чтобы не исказить сведения о респонденте. Например, не все знают, что незарегистрированные браки тоже учитываются. У взрослых мужчин необходимо спрашивать, служил ли в армии, где служил, когда вернулся. Таким способом заполняются ответы на вопросы, с какого года проживаете в данном населённом пункте и предыдущее место жительства.

Весьма осложнила работу фраза из информационной листовки: «Ответы на вопросы даются исключительно по Вашему желанию». Некоторые «отказники» упорно ссылались на неё, и стоило немалого труда переубедить их.

Общее впечатление от проведённой работы осталось позитивным. Когда ещё можно увидеть общество в миниатюре, узнать изнутри? В 2020 году я снова буду участвовать в переписи населения.

Артём ЗАДОРИН,
преподаватель кафедры
истории России СФУ

**МИКРОПЕРЕПИСЬ
НАСЕЛЕНИЯ**

(15 помещений при норме 6). Хотя был настроен поработать ещё, начало всё равно оказалось неплохим.

В дальнейшем проблем с батареей не возникало: работала безотказно более четырёх часов в день. Главное — не забыть зарядить. И один раз я забыл. Приехал на свой участок, включил планшет и ужаснулся — зарядки только 10 процентов. Что делать? Не возвращаться же ни с чем. В тот день источником энергии выступили сами жильцы. Вышел из положения так: усаживался где-нибудь рядом с электрической розеткой и во время опроса заряжал планшет. День не пропал даром.

Однажды произошёл курьёзный случай. Полдевятого вечера. Звоню в квартиру с лестничной площадки. Выходит мужчина, внимательно изучает моё удостоверение переписчика и... вызывает наряд полиции. До приезда полицейских закрывается в квартире. Я остался ждать в коридоре: паспорт при себе, пусть проверяют. Наряд прибыл через пять минут. Установили личность, связались с управлением статистики, уточнили, являюсь ли переписчиком. Затем проверили паспорт опасливого жильца и отправились на другой объект, а я домой. План выполнил, да и поздно уже.

Искусство раскрытого вкуса

Как гласит книга рецептов моей мамы, большинство тех блюд, которые она готовила, сделаны «на глаз». Ну в крайнем случае единицей измерения был стакан. Стакан того, стакан другого, вот и пирог готов. В современном мире хозяйка на кухне без весов уже вызывает сомнения. О том, нужно ли всё «вешать в граммах», и был первый вопрос к шеф-повару ресторана Forest Grill Хайяму АМИНОВУ. Человеку, который двигает авторскую кухню, а про себя говорит: «Я псих в плане еды».

— Обыватели считают, что в кулинарии всё происходит на импровизации. Так ли это, или действительно есть нормы, которые нужно соблюдать, чтобы приготовить поистине шедевральное блюдо?

— Что касается кулинарии, а именно кондитерского мастерства, то нужно говорить о конкретных нормах, поскольку там каждый грамм даёт своё конкретное свойство. Даже расхождение с рецептом в 10 граммов может повлечь провал.

Если же мы говорим о кухне вообще, то это именно импровизация. Создание — это всегда придумывание. Потом, конечно, всё записывается и переходит на поток, где повара ежедневно готовят согласно нормам. Но здесь всё просто — гость видит фото блюда, читает состав и знает, чего ожидать.

В любом ресторане всегда есть шеф-повар и шеф-кондитер, и они работают по-разному. Так же как каждый человек по-своему импровизирует, у каждого шефа своё видение. У меня, например, нет пристрастия к определённым кухням или продуктам, у меня процесс приготовления нового блюда — это просто полёт фантазии: я достаю то, что есть в холодильнике, начинаю смешивать, создавать.

— Какие нормы общения на кухне? Вы — «большая семья» или «подчинённые и начальник»?

— Шеф-повар — это, как правило, начальник. На кухне стоит напряжённая обстановка, мы понимаем, что мы команда, общаемся все, но работа есть работа. Процесс приготовления еды должен быть точным и без перебоев, потому что гости выбирают нас, платят деньги, и качество должно соответствовать. Шутки есть, но чаще присутствуют крики. Если вы видели сериал «Кухня», то представляете, что у нас творится. Этот сериал наиболее точно отражает нашу работу: многие повара смеются, что фильм раскрывает все секреты. Действительность такая и есть.

— То есть служебные романы тоже не редкость на кухне? Не мешает ли это процессу?

— Бывают, как и на других работах, мы не исключение. В этом нет ничего плохого, потому что на работе есть руководители — шеф-повар и управляющий залом, которые поддерживают строгость, а что персонал делает за стенами ресторана — их личное дело.

— В Красноярске, как и во всей России, большой популярностью пользуются ресторанные дни, придуманные в Финляндии и пришедшие к нам несколько лет

назад. Здесь каждый желающий становится шеф-поваром своего собственного кафе. Насколько такой формат вписывается в понятие норм?

— Это очень здорово, потому что у нас в городе ещё несколько лет назад не было культуры еды, но она развивается, люди стремятся к этому. Очень радостно видеть, что обычные люди что-то готовят и показывают это, пытаются себя проявить. Им уже не интересно готовить тушёную капусту с котлетами, а хочется создавать высокую кухню.

Летом я впервые участвовал в ресторанным дне, мы с партнёрами делали свою локацию. Для чего это нам? Да просто прикольно! Мы заявили, что приготовим 200 кг плова и накормим 500 человек бесплатно. Так и сделали, и, судя по откликам, люди были в восторге.

Дополнительно провели мастер-класс по мраморной говядине (на фото). Думаю, следующим летом снова повторим. Мы хотим не просто готовить и продавать, а делать грандиозное. А для грандиозности нужна открытая площадка, поэтому мы участвуем только вне помещения. У меня в планах сделать целого быка на вертеле и раздать его бесплатно.

В Красноярске избалованный народ в плане еды. И такие мероприятия вдохновляют шеф-поваров на создание чего-то нового: идти вперёд, не сидеть на месте, продавая классические блюда, которыми уже никого не удивишь.

— Нет ли тут противоречия: культуры еды нет, но удивить сложно?

— Говоря о культуре еды, я имею в виду, что человек понимает, что он ест, чувствует каждый продукт. Для меня не важно, какое количество еды на тарелке, для меня важна гармония — сколько вкусов в этом блюде, 1-2 или 15-20. Это и есть культура еды.

Что касается избалованности: мы все ездим отдыхать, и лобстеры или омары — уже не экзотика. Людей не удивишь обычным салатом «Цезарь», блюдо нужно оригинально преподнести. Или это должен быть дорогой продукт. Почему-то у нас так. Но, я

думаю, в скором времени люди начнут понимать, что русскую кухню, и особенно сибирскую, можно преподнести в новом свете. Как нордическая кухня: не была популярна раньше, но в течение 10 лет её сделали одной из ведущих кухонь мира, так что она уже соревнуется с французской. Так же сейчас создаётся новая русская кухня.

— Русская кухня — это что? Я могу назвать лишь каши, оладьи, драники...

— Русская кухня изначально — это овощи, мясо и рыба. Потом уже пришли борщи, котлеты, картофель в мундире и драники. Например, бородинский хлеб — исконно-русский. Я придумал рыбу в бородинском хлебе с соусом из местных ягод. Вообще основной момент в том и заключается, что нужно готовить из продуктов, выращенных или произведённых в Сибири. Так создаётся новая русская кухня.

— Каков ваш прогноз — когда русская кухня займёт почётное место среди рестораторов и горожан?

— У нас пока никто особо не говорит о русской кухне, а в Москве достаточно хорошо над этим работают шефы большинства ресторанов. И каждый вносит свою лепту. Сам я пока только придумываю и записываю, но нигде не презентую. Чтобы представлять блюда под лозунгом «новая русская кухня», меню нужно проработать тщательнейшим образом.

— Возвращаясь в ресторанным дню. Красноярская особенность мероприятия в том, что большинство рестораников представляют домашние кондитерские и пекарни, и очень мало сытной еды. В других городах процентное соотношение примерно 50 на 50, а у нас только в последнее время стало выравниваться, и то пока 70 к 30. Получается, что на ресторанным дне поестся нечего. Почему так?

— Потому что у нас участвуют в основном девочки, а им нужно слад-

кое. Сейчас уже на ресторанным дне можно попробовать бургеры, шашлыки, стейки, суши. В скором времени еда возьмёт своё. Макаруны, капкейки просты в приготовлении, их может испечь любая хозяйка. Это классно, что люди стремятся к большому, открывают домашние пекарни, создают доставки. Но опять же жаль, что только кондитерка так активно развивается. Мало тех, кто готовил бы сытные блюда и относился к ним как к искусству. Я на еду смотрю как на картину.

— Поэтому вы и шеф-повар. Но вы ещё и готовы делиться своими знаниями, преподаёте в кулинарной школе Cook Book.

— Эта школа с очень высокой планкой. Мне нравится сотрудничать с ними, поскольку там соединяется строгость обучения и некоторая семейность. Создатели школы Ольга МАЙЕР и Александра МОЗГОВАЯ. У них люди и учатся, и общаются. Каждый участвует в работе, рассказывает истории, и таким образом получается новая история еды.

— Когда в Красноярске приглашали московского шеф-кондитера, многократного чемпиона по кондитерскому искусству Александра КИСЛИЦЫНА, на его мастер-классе было много тех самых девочек из домашних пекарен, любителей, но не представителей ресторанным бизнеса. У нас не принято обучать шефов?

— Есть несколько причин. Некоторые рестораторы несерьёзно относятся к кондитерскому цеху, хотя на самом деле — это один из важных моментов в ресторане. Многие отправляют шеф-поваров на обучение, не вкладывая в шеф-кондитеров. Это второй момент — экономический. Чтобы делать десерты, нужно при страстие и талант. Если ты не любишь это, у тебя никогда не получится, хоть сколько учишься. Кислицын получает истинное наслаждение от того, что делает. И тех, кто был на его мастер-классе, он очень воодушевил.

— Мы с вами говорим о том, что люди хотят готовить высокую кухню. Но есть и другая сторона — так называемые продуктовые корзины, когда тебе привозят почищенные и порезанные ингредиенты, рецепт, и остаётся только опустить это в кипящую воду или на сковороду...

— Я не приветствую такую доставку, считаю, что она предназначена для ленивых людей. Если я готовлю еду, то должен прочувствовать каждый продукт, начиная от чистки картошки, размораживания до приготовления маринада или соуса. И хотя это тоже стремление к высокой кухне, но оно ненастоящее.

— Эстетический момент — тоже элемент высокой кухни. Как вы украшаете блюда?

— Моя философия приготовления пищи — симпл. Я раскрываю вкус блюда и не украшаю какими-то дополнительными продуктами только ради украшения. Моё мнение: всё, что лежит на тарелке, нужно есть. Очень легко можно перебить вкус, поэтому я не использую никаких специй, кроме соли, перца и натуральных трав.

— Это вас цитируют, когда говорят: «Соль, мясо, перец, лук — и никаких женских рук»?

— Возможно (смеётся). Это в самом деле искусство — не перебить вкус продукта, а раскрыть.

Анастасия АНДРОНОВА

Разговаривать через

Одной из центральных тем минувшей Красноярской ярмарки книжной культуры «Карта Родины. Художественное освоение пространства» стало «новое краеведение». Ему был посвящён и профессиональный семинар для библиотекарей и музейных сотрудников, эту тему гости ярмарки обсуждали на круглых столах и дискуссиях. Мы поговорили с Марией ШУБИНОЙ, директором Музейной программы Российского фонда культуры «Гений места. Новое краеведение», о том, отличается ли чем-то «новое» краеведение от «старого», почему сегодня важно смотреть на историю России в XX веке через человеческие судьбы и локальные сюжеты и почему краеведение — это наш гуманитарный капитал.

В Красноярске Мария ШУБИНА представляла Российский фонд культуры — некоммерческую организацию, которая ведёт программу «Гений места. Новое краеведение», состоящую из двух частей: Конкурса музейных проектов и Школы исследования и текста. Сейчас программа проходит на Дальнем Востоке, а в 2016-2017 годах будет реализовываться в Сибири. Программа и в музейной, и в исследовательско-текстовой части поддерживает проекты, связанные с частной памятью, с локальной историей.

— **Ваша Программа называется «Гений места. Новое краеведение». Что вы вкладываете в понятие «новое» краеведение и означает ли это, что есть какое-то «старое»?**

— Новое краеведение, которое заявлено в нашей программе, это не новый термин, а наша попытка обозначить поиск новых смыслов, новых способов разговора, нового языка. И мне очень лестно, что на КРЯКК во многих программах было использовано словосочетание «новое краеведение», а в профессиональной программе для библиотек и музейщиков оно было выведено в заглавие.

Для нас новое краеведение — это философия места, локальная история, о которой рассказывают в масштабе человека современным, актуальным языком, и для нас это важно. Этот язык предполагает в первую очередь внимание к человеческому масштабу, к индивидуальности личности, к людям, которые живут на какой-либо территории. Через человеческие судьбы мы стараемся разговаривать об истории, особенно об истории XX века, которая фактически не написана.

— **Есть задача дать регионам голос, возможность по-новому осмыслить себя через новое краеведение?**

— Я считаю, что голос у регионов, безусловно, есть. Вообще эта история про варягов из Москвы мне всегда кажется нечестной, именно поэтому мы второй год начинаем нашу программу с поездки по региону, куда она приходит. Нам кажется очень важным поговорить лицом к лицу с людьми, которые занимаются в регионе историей, краеведением, понять чаяния, надежды и желания людей. Совершенно не хочется выступать в качестве «Бременских музыкантов», кото-

рые «приехали на час». Поэтому ни я, ни мои коллеги-эксперты, ни руководители Российского фонда культуры не имеют в виду, что вот сейчас мы свалимся на регион — и регион наконец-то приобретёт голос.

За счёт возможностей, которые мы можем дать как грантодатели, этот голос просто может быть больше услышан, в регионе могут появиться люди, которые, возможно, раньше занимались локальной историей не так много и плотно, но за счёт возможностей и навыков, полученных в Школе, захотят ею заниматься больше. Музейные проекты, благодаря грантам и экспертной поддержке, могут заговорить на темы, которых раньше не касались, и сделать это на современном музейном языке. Мы хотим дать новые возможности, через которые могут появиться новые смыслы. Нет амбиции, что благодаря нам появятся голоса, потому что они уже есть, и они разнообразные. Сибирь-то точно очень самостоятельный регион.

— **Вы упоминали, что ваша программа 2016-2017 годов будет нацелена на Сибирь.**

— Да, если уточнить, то на большой кусок Сибири, который так или иначе прилегает к Транссибирской

магистральной. Для нас принципиально важно работать с той частью региона, где есть культурное напряжение, культурное единство. Например, первую программу 2015-2016 годов мы делали в Приморье и Приамурье, и сейчас в разных вариантах она продолжает работать дальше. Амурская область, Приморский край и Хабаровский край — это регионы, в каком-то смысле конкурирующие между собой, имеющие схожую историю освоения, но разные взаимоотношения с Китаем. Там много культурных напряжений, которые дают возможность говорить о некоем едином культурном пространстве.

Так же точно и с Сибирью. Например, Томская область. Если посмотреть на Томск, то физически — это не сам Транссиб. Но то, как Томская область не попала в Транссиб — тоже важная история магистральной, и мы имеем в виду этот регион, когда рисуем карту программы 2016-2017. В конкурсе могут участвовать проекты, связанные не только с железной дорогой, но и с любой страницей истории XX века, как и вся наша программа. В сибирской программе мы очень рассчитываем на университетские инициативы, на музейные инициати-

вы, многие из которых очень сильные и есть уже сейчас. Например, в краеведческом музее Томска уже сделан проект про переселенцев «Сибиряки вольные и невольные».

— **Когда вы приезжаете в новый регион и начинаете в нём работать, для вас это тоже возможность расширить взгляд на краеведение?**

— Здесь очень тонкий момент, потому что мы приезжаем с коротким визитом и стараемся успеть максимально как отдать, так получить. Отдать — это рассказать о программе тем, кому она могла бы быть интересна. Получить — это услышать темы, которые важны в регионе. Здесь не вопрос в том, что мы получаем новый взгляд на краеведение.

У основателя нашего фонда Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЁВА есть прекрасная цитата: «Краеведение не только наука, но и деятельность».

Для нас деятельная часть краеведения является самой интересной. Мы — грантодатели и создаём поле и условия для того, чтобы люди занимались проектами в своём регионе. Поэтому для нас очень важен разговор с местным сообществом, он подталкивает, какие есть важные точки напряжения, актуальные темы, что волнует людей в регионах.

Так, например, интересно было увидеть, насколько в Омске и Иркутске по-разному относятся к фигуре КОЛЧАКА и как много оба города хотят об этой фигуре говорить. В Иркутске Колчак — это больше мифологическая фигура, фигура трагически погибшего героя, с которым связаны местные легенды. В Омске Колчак — это, скорее, фигура кровавого палача, потому что местные жители помнят рассказы о массовых порках крестьян, расстрелах и так далее. И это интересно, ведь со стороны кажется, что существует единая история колчаковского движения, колчаковского правительства, а на самом деле это гораздо более сложная и многослойная история. Узнать об этом разном отношении можно, только пообщавшись на одну и ту же тему с людьми в разных городах.

Или, приезжая в Омск, ты можешь узнать, что волнует урбанистов, которые сейчас чаще всего очень деятельные и важные участники культурной жизни города, в том числе важные для краеведения. И получилось, что они встретились с музейщиками только на мероприятии, которое мы организовали, так просто они не встречаются, каждый варится в своём соку, и это нормально. Смешать эти соки — это тоже одна из задач нашей программы.

На профессиональном семинаре в Красноярске нам удалось поговорить и с представителями крупных библиотек и музеев, и с руководителями школьных музеев, которые нам не менее интересны, чем маленькие. И ждём очень интересных заявок отсюда, из Красноярска и края.

— **Сегодня краеведением по большей части занимаются взрослые люди. Молодым это может быть интересно?**

— Возраст не имеет значения. Мы хотим стать интересными и молодым, и пожилым, потому что для нас важ-

МНЕНИЕ

Круглый стол «Новое краеведение и урбанистика: точки пересечения и пути сотрудничества». Сергей НИКИТИН, историк, культуролог, автор международных проектов «Вело-ночи», преподаватель русского консюмеризма в университете Вероны, Италия.

«Чем новое краеведение отличается от старого? Казалось бы, абсолютно ничем. За исключением одного. Наше классическое краеведение, на которое мы часто, может быть, грешим, это то краеведение, которое занималось, например, в Москве подсчётом храмов, то краеведение, которое занималось в Ленинграде в конце 1980-90-х годов изучением прежде всего дореволюционной истории. То есть это была попытка максимально уйти от того, что могло соприкоснуться с реальностью советского времени, с политизированной историей. И когда мы сейчас говорим о том, что мы хотим новое краеведение, в котором будут 1930-40-50-е годы, 1980-е годы, нам очень сложно, потому что краеведы долго копали себе прекрасную норку, в которой можно было как-то обитать, что-то публиковать.

Интересы, конечно же, сильно меняются. Сегодня нам хочется пиццу, завтра нам захочется котлету, и то же самое происходит с теми запросами, которое общество отправляет краеведению, городской истории, устной истории. Поэтому я думаю, что мы можем и должны сейчас говорить о бесконечном обновлении горизонта исторических и краеведческих знаний, методов. Если никакого обновления не происходит, нет новых вопросов, это значит, что все умерли, и никому больше ничего не нужно. Сегодня появляется очень много интересных тем, которые оформляются и в движения, и в проекты, и связаны они как раз с исторической памятью, с собиранием из опыта XX века более-менее структурированной картины».

Человеческие судьбы

на актуальность высказывания, важно вести разговор с людьми, которым краеведение действительно нужно. Люди, которые устраивают какие-то активности в городе — лекции, программы, конечно, это наша аудитория. Одно из условий победы в конкурсе музейных проектов и поступления в «Школу текста»: проект или исследование, с которым вы приходите, должны быть общественно значимыми. Вы должны понимать, как они взаимодействуют с обществом и чем они интересны аудитории.

Почему нам важно узнать именно те темы, которые по-настоящему волнуют людей на территориях? Потому что если мы будем говорить об этих темах в человеческих масштабах, то это и будет актуальный, интересный и молодым, и взрослым разговор. В селе Лермонтовка в Хабаровском крае школьники собрали большой документальный материал о репрессированных жителях села для музейного проекта «Память сильнее времени». В Белогорске музейщики собрали, восстанавливают, оцифровывают кинохронику города 1960-1980-х годов про город и готовят кинопоказы в музее, которые интересны самым разным горожанам.

Музей в Находке победил в нашем конкурсе с проектом полного обновления экспозиции. В 90% случаев, как мы знаем, краеведческий музей устроен так: в нём есть чучела животных, исторический рассказ от палеолита до сегодняшнего дня, история быта... И всё это обычно связано так, что сложно что-то понять без экскурсовода. В музее Находки решили сделать иначе — изучить, как устроен город.

Оказалось, что Находка имеет историю чуть больше 100 лет, и за это время город менялся несколько раз. То это был город-тюрьма, то город-порт, максимально международный и активный, когда Владивосток закрыли. В музее каждая комната будет разным городом. Дальше работники музея стали устраивать общественные дискуссии, проверять, интересна ли концепция жителям, объявили открытый конкурс для дизайнера экспозиции. Таким образом, обновление музея оказалось важной городской историей на годы вперёд.

Или, скажем, Приморский музей имени АРСЕНЬЕВА во Владивостоке, где работает молодая интересная команда, собирается открыть залы, посвящённые мирному морю: торговому, рыболовецкому. И для своего проекта они собирают довольно большое количество интервью, вещей и предметов у жителей города. Получается, что, во-первых, краеведческим проектом занимаются одновременно и слушатели «Школы текста», и музейщики, а во-вторых, в него включены горожане. Вычислена тема, которая интересна городу, в некотором смысле и сами жители задействованы в сборе материалов, поэтому та экспозиция, которая получится в итоге, будет разговаривать на понятном для горожан языке, рассказывать об интересных им вещах. Вот этот выход к внешней среде, общественная значимость проектов, открытость аудитории — это важно для нас.

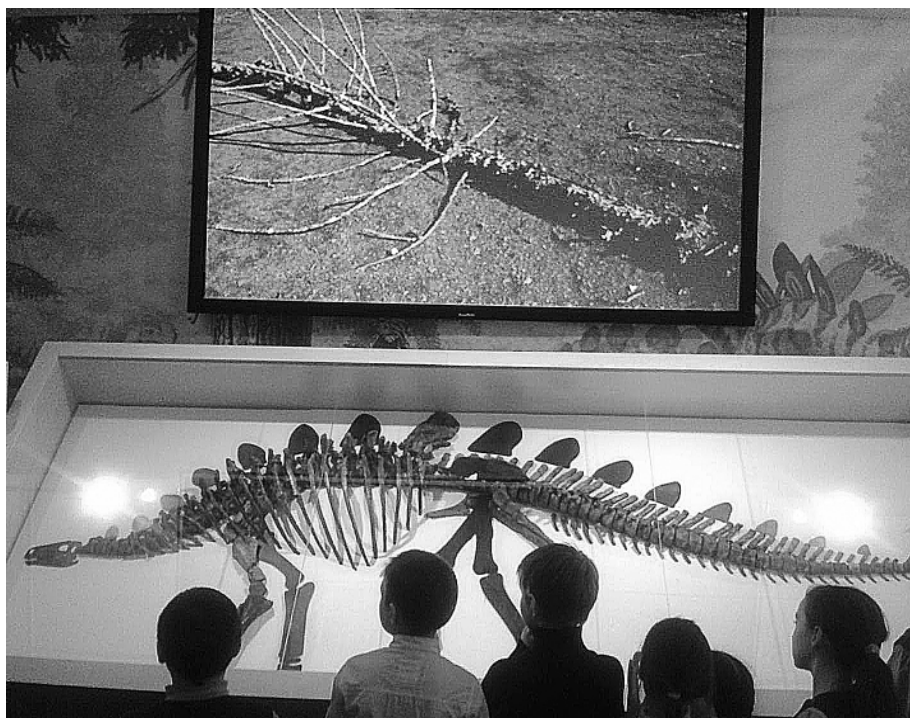
— На КРЯКК обсуждали много проектов, связанных с локальной, частной памятью. Почему это становится актуально? Или нет, иначе: почему только сейчас мы стали ставить в центр внимания простого человека с его биографией, памятью, историей?

суждение

Круглый стол «Новая Карта Родины. Изобретение традиции». Леонид КОПЫЛОВ, эксперт конкурса Российского фонда культуры «Гений места. Новое краеведение»: «Если мы берёмся заполнять карту Родины важными культурными точками, нам нужно продумать, каким образом люди, которые выращивают идентичность на своём отдельном локальном месте, могут посмотреть на свою локальность? Они должны попробовать оценить её в более широком контексте. Опыт Европейского музейного форума отчётливо говорит: европейский музей — большой, маленький, любой — начинается в тот момент, когда он ставит точку на карте и говорит: «Мы по какой-то логике — центр Европы». Мне кажется, что карта Родины должна заполняться по такому принципу. Как ни странно, с этого начинается очень вдумчивая и серьёзная работа, вырастают очень интересные локальные проекты, экспозиции».

— Это не изобретение велосипеда, просто сейчас это становится всё более и более актуально во всём мире. Если мы говорим о музеях, то, с одной стороны, по этой теме есть базовые работы, написанные ещё в 1970-е годы. А с другой стороны, есть турецкий писатель Орхан ПАМУК, который получил Нобелевскую премию в том числе за роман «Музей невинности», а настоящий «Музей невинности», который он открыл в Стамбуле, в 2014

меняется масштаб в культуре в самых разных её областях. Это, во-первых. А во-вторых, это очень актуально именно для России, потому что история XX века не написана. В масштабе страны есть страницы истории, к которым в советское время относились одним образом, в 90-е и «нулевые» — другим образом, сейчас — третьим. Например, очень сибирская история декабристов сейчас может подаваться по-разному. В частности, сегодня

Ученики школы № 27 нашего города в Красноярском краевом краеведческом музее, которому в этом году исполнилось 125 лет! (фото с сайта школы)

году выиграл премию Европейского музейного форума как лучший европейский музей. Этот музей посвящён и героям романа, и самому роману, и 1950-м годам, и вообще второй половине XX века, и самым обычным людям, и даже выдуманным персонажам. Но что важно, у Орхана ПАМУКА есть написанный со страстью музейный манифест. Гуманизация общества, которая происходит большими темпами во второй половине XX века, постепенно приводит к тому, что из-

часто говорят, что декабристы — это мятежники, которые выступили против царской власти, хотя мы привыкли считать их нежнейшими романтическими героями. Вопрос не в том, что нужно поменять общее знание и в очередной раз написать один-единственный, «правильный» учебник истории, а в том, чтобы через человеческие судьбы разговаривать о том, о чём совершенно невозможно разговаривать по-другому. Внутри одной судьбы могут переплетаться разные

манифест

Орхан ПАМУК, «Мой скромный манифест для всех музеев», отрывок: «Музеи должны исследовать новый мир современного человека, его человеческую природу и рассказывать об этом... Надоели музеи, которые пытаются поведать историю какого-нибудь сообщества, организации, команды, общины, нации, государства, народа, фирмы или какого-нибудь предмета, объекта. Мы устали от них. И мы все осознаём, что истории обычных людей будут намного богаче, важнее и подарят нам больше радости, чем история всех народов, вместе взятых».

вещи, истина всегда сложна, человеческая память всегда сложна. Но каждый раз, когда ты сталкиваешься с человеческой судьбой, ты говоришь о том, как на самом деле была устроена жизнь в XX веке.

— А есть в вашей работе примеры, когда через одну жизнь можно проследить историю страны?

— Например, один из наших слушателей «Школы исследования текста» на Дальнем Востоке исследует историю жизни одного человека. Его герой, Иннокентий ДУХОВСКОЙ, — нанаец по происхождению, который был первым христианином и миссионером ещё в царское время, помогал имперской власти крестить своих односельчан. Он прожил большую жизнь — такую же, какую прожил XX век. Он был крепким крестьянином, который построил крепкий быт, а потом был раскулачен, потом оказался переселенцем внутри земли, куда приходили переселенцы. То есть фактически оказался сосланным внутри территории, где было уже много сосланных или добровольно переселившихся людей. И всё это — история большой страны, которая рассказана через одну биографию. И эмоционально это затрагивает тебя больше, чем сухая статистика о количестве крещёных или раскулаченных в XX веке.

— В одном из интервью писатель Ася КАЗАНЦЕВА сказала, что книги о краеведении важны, но не могут по значимости соперничать с книгами по естественным наукам просто потому, что естественные науки непосредственно влияют на нашу жизнь. Вам как человеку, который занимается популяризацией краеведения, есть что возразить?

— Ася, конечно, говорила с позиции популяризатора естественных наук. Краеведение нам нужно потому, что нам нужна локальная история, философия и ощущение места. Место, где ты живёшь, больше, чем место, где ты просто ходишь на работу, ведёшь быт, оно имеет дополнительный символический смысл. Особенно сегодня, когда информационный и символический капитал играет огромную роль.

Мы понимаем, что весь мир живёт в ситуации, когда интеллект, разнообразие интересов и разнообразие возможностей стали гораздо более востребованы. Хорошо, что жизнь глобально стала легче, и люди могут ходить в музеи, читать в Интернете, пользоваться такими проектами, как «Арзамас» и Relikva, нашим сайтом museumrfk.ru, на котором, я надеюсь, в ближайшее время появятся тексты, связанные с локальной историей. Мне кажется, что краеведение востребовано вот в этом смысле.

Один из победителей премии «Просветитель» в номинации «Краеведение» — профессор Сергей ИВАНОВ с книгой «В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям». С этой книгой в руках я гуляла по Стамбулу, чтобы найти в нём Византию, и я знаю десятки людей, которые делали то же самое. Краеведческие книги, написанные современным языком, с которыми точно так же можно будет путешествовать по Сибири, могут быть ценны, как и блестящие научно-популярные книги Аси Казанцевой.

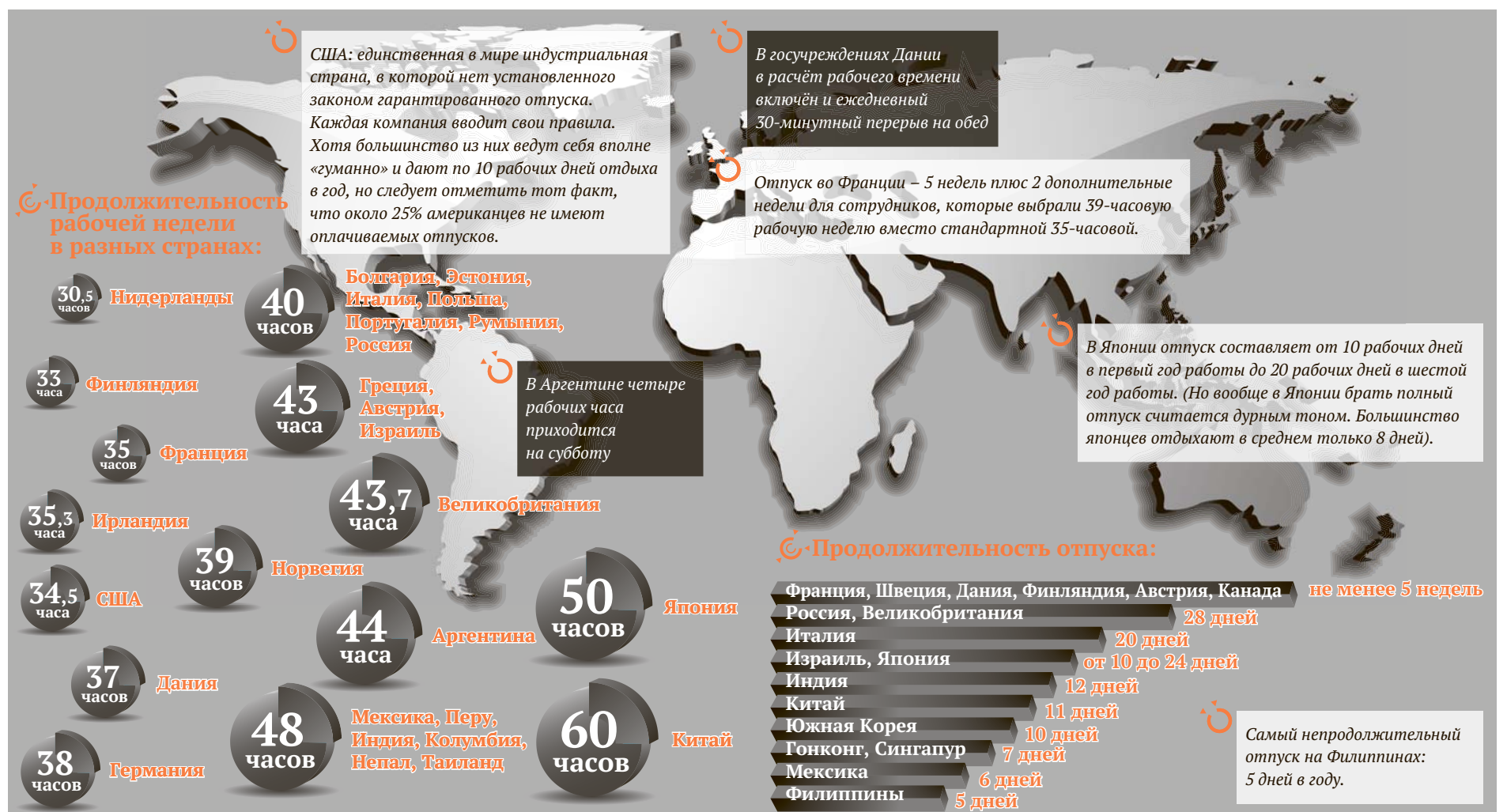
Время работать и время отдыхать

Правил и норм, которые регулируют нашу жизнь, великое множество. Но едва ли не самые актуальные из них — те, что определяют наш труд. Ведь на работе все мы проводим большую часть своей жизни. Кстати, само это соотношение — сколько работать, а сколько не работать, подвергается в наше время глобальному пересмотру во всех странах. Великое завоевание прошлого — 8-часовой рабочий день — в наиболее благополучных странах готовы

ещё уменьшить, причём обосновывается это не только улучшением качества жизни, но и повышением эффективности не слишком перерабатывающего человека. Но есть и другая тенденция — когда работают всё больше, причём часто за ту же зарплату.

А вот что касается ухода на окончательный заслуженный отдых, тут страны единодушны — пенсионный возраст везде будет увеличиваться.

Выход на пенсию:

Страна	Пенсионный возраст, лет		Средняя продолжительность жизни, лет
	мужчины	женщины	
Япония	70	70	82,1
Дания	67	67	78,3
Норвегия	67	67	79,9
США	65	65	78,1
Германия	67	67	79,3
Канада	65	65	81,2
Испания	65	65	80,1
Швеция	65	65	80,9
Швейцария	65	64	80,9
Армения	65	63	72,7
Бельгия	65	62	79,2
Великобритания	68	60	79,0
Италия	67	65	80,2
Польша	65	60	75,6
Грузия	65	60	76,7
Франция	67	65	81
Казахстан	63	58	67,9
Литва	62,5	58,5	74,9
Венгрия	62	62	73,4
Чехия	62	62	76,7
Азербайджан	62	57	66,7
Молдова	62	57	70,8
Россия	60	55	66,0
Украина	60	55	68,6
Беларусь	60	55	70,6
Узбекистан	60	55	72
Греция	58-65	58-65	79,5